

Т.В. Смирнова

**Усадьба Ахтырка
и
князя Трубецкие**

Сергиев Посад

2006

63.3 (« Рос–4 Мо)

С 50

**Автор благодарит Трубецких
за помощь в создании и издании книги,
а также Т.Н. Манушину и А.С. Абрамову
за представленные фотографии**

Смирнова Т.В.

Усадьба Ахтырка и князя Трубецкие. –

Сергиев Посад: ООО «Все для Вас Сергиев Посад», 2006. – 100 с.: фото.

Книга об усадьбе Ахтырка – единственной подмосковной, полностью выдержанной в стиле ампир, и ее владельцах князьях Трубецких, а также об их потомках как оставшихся в России, так и оказавшихся за границей.

ISBN 5-9011091-73-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале XX века единственной подмосковной усадьбой, целиком выдержанной в одном архитектурном стиле, была Ахтырка. Этот усадебный ансамбль был создан в 1820-х годах. Его вид запечатлён неизвестным художником на старинной литографии: на пригорке, спускающемся к воде, раскинулся дом в стиле ампир. За домом виднеется шпиль колокольни и купол церкви.

Расположена усадьба на берегу Вори, верстах в четырёх от Хотьковского Покровского монастыря и в двенадцати от Троице-Сергиевой Лавры. С 1734 по 1879 год она принадлежала князьям Трубецким. В 60-70-х годах XIX века в усадьбе постоянно звучала музыка: ее владелец Николай Петрович Трубецкой находился в центре музыкальной жизни Москвы, занимался вместе со знаменитым пианистом Николаем Григорьевичем Рубинштейном созданием Московской консерватории, и в Ахтырке гостили многие выдающиеся музыканты. В усадьбе прошли детские годы Сергея Николаевича и Евгения Николаевича Трубецких, ставших известными религиозными философами, профессорами Московского университета.

В послереволюционные годы усадебный дом сгорел, уцелела только церковь. Сейчас она реставрирована, и служба в ней возобновлена. Некоторые потомки владельцев Ахтырки и после революции жили в Сергиево-Посадском районе и сейчас не теряют связи с Ахтыркой, бывая на её престольном празднике.

Первым исследователем усадьбы Ахтырка был Дмитрий Сергеевич Ганешин (1904–1977), инженер-конструктор, выступивший в данном случае как историк-искусствовед. Впервые он увидел усадьбу в 1921 году, в юношеском возрасте. Впечатление было таким сильным, что в 1960-1970-е годы Д.С. Ганешин подолгу жил в Ахтырке, изучил огромный массив

архивных документов. Уже после кончины исследователя была опубликована его замечательная работа об Ахтырке¹.

Однако в то время Д.С. Ганешин мог писать не обо всем: он вынужден был ограничиться сведениями только о немногих детях последнего из Трубецких – владельцев Ахтырки - и совсем не затронул судьбы его внуков и правнуков. Между тем эти сведения представляют определённый интерес.

В данной работе использован труд Д.С. Ганешина, значительно дополненный материалами судебных Трубецких, живших в XX веке.

1. Первые владельцы

*Что в имени тебе моём?
А.С. Пушкин*

Название Ахтырка нельзя было найти на картах Московской губернии до 70-х годов XVIII века. А известно было Дудкино (или Дуткино). Впервые пустошь с таким названием упомянута в документе, относящемся примерно к 1450 году, когда она наряду с другими близлежащими пустошами была куплена Троице-Сергиевым монастырём².

В 1694 году сельцо Денисово-Дудкино тож принадлежало Ивану Андреевичу Панину, представителю старинного боярского рода, происходившего от приехавшего в Москву в XV веке итальянца Панино. Благодаря родственным связям сельцо перешло к графу Василию Никитичу Татищеву (1686–1750), государственному деятелю, автору “Истории Российской от самых древних времён”, географу.

В XVIII веке в Дмитровском уезде Московской губернии многочисленные и богатые земли находились во владении князя Никиты Юрьевича Трубецкого (1699–1767). В 1739 году и его брат Иван Юрьевич (1703–1744) по прозвищу Меньшой приобрел землю в этом уезде, купив у В.Н. Татищева Денисово-Дудкино³. В дальнейшем оно переходило от отца к сыну.

Иван Юрьевич Трубецкой, камергер, президент Коллегии Юстиции, был женат на Марии Яковлевне Глебовой и имел сына Николая (умер в 1782). При Николае Ивановиче в Дудкине в 1772 году была построена деревянная церковь во имя явления Ахтырской иконы пресвятой Богородицы. Строительство церкви было разрешено за дальним от приходской церкви расстоянием и болезнями Трубецкого⁴.

Происхождение иконы таково. В 1739 году священник церкви Покрова города Ахтырки Харьковской губернии (ныне Сумской области) во время сенокоса увидел в своём огороде, в траве, икону с изображением Божией Матери и распятия. Он внёс икону в дом, где она и находилась три года. Затем передал ее в соборный храм города. После нескольких произошедших возле иконы исцелений императрица Елизавета приказала расследовать чудеса, и в 1751 году Святейший Синод предписал считать икону чудотворной, празднование совершать 2 июля (по старому стилю). В основе сюжета иконы лежит предание, что дева Марии в юности было видение креста с распятым на нём её будущим сыном. На Ахтырской иконе изображена юная дева Мария, молящаяся перед распятием⁵. Сама чудотворная икона была утрачена в начале XX века, когда её послали в Петербург для реставрации.

Д.С. Ганешин записал у местных жителей такую историю посвящения церкви Ахтырской иконе. Один из князей Трубецких, раненый, возвращался в Дудкино. Вдруг лошади понесли, экипаж свалился в овраг и разбился. У князя в багаже была Ахтырская икона Божией Матери (список с чудотворной иконы), данная ему родителями. Князь оказался невредим, а икона обнаружилась рядом с ним⁶. В память чудесного спасения и была построена церковь во имя явления Ахтырской иконы. А село стали называть по церкви Ахтыркой. Существует предположение, что само это слово искажённое тюркское “ак турка” – белая крепость⁷. Так и появилось непривычное тюркское название на карте Московской области.

2. Князья Трубецкие в XVI – XVIII веках.

Их связь с Троице-Сергиевым монастырём

*Роды, подобные, Трубецким, –
гордость русской истории.
С.А.Сапожников*

Трубецкие – княжеский род, происходящий от внука Великого князя Литовского Гедимина (умер в 1341) – князя Дмитрия Ольгердовича Старшего, прославленного участника Куликовской битвы, погибшего в сражении с татарами при Ворскле в 1399 году. Дмитрий Ольгердович получил в удел города Брянск и Трубеч (или Трубецк – ныне Трубчевск Брянской области). И потомки его стали называться князьями Трубчевскими, а с князя Юрия Петровича (умер в 1679) – Трубецкими. Они сохраняли свой удел до 1500 года, когда последний удельный князь Андрей Иванович (умер в 1546) перешёл в подданство великих князей Московских⁸.

По другим источникам, город Трубчевск принадлежал князьям Трубецким лишь с середины XV века и, возможно, был не уделом, а вотчиной, полученной ими от польского короля Казимира. Переход же Трубецких к Ивану III в 1500 году был вынужденным: после взятия им Брянска и перехода на Московскую службу князей Можайских и Шемяичей Трубчевск оказался со всех сторон окружён московскими владениями⁹.

Герб князей Трубецких, внесённый в «Общий гербовник», часть II под №1, представляет собой четырёхчастный щит. В первой части щита в золотом поле два грифа, стоящие на задних лапах, держат передними лапами российско-княжескую шапку. Во второй части щита – герб Королевства Польского: одноглавый орёл с распростёртыми крыльями, белый в голубом поле. Появление в гербе Трубецких Польского герба связано с тем, что Ягайло, в крещении Владислав, брат их предка Дмитрия Ольгердовича, был основателем королевской династии Ягеллонов, правившей в Польше. В третьей части щита Трубецких – герб Великого княжества Литовского

«Погоня» – изображение в красном поле скачущего всадника с поднятым для удара мечом и имеющего на щите сдвоенный крест. Этот символ присутствует и в гербах других русских Гедиминовичей – Голицыных, Куракиных и Хованских. В четвёртой части щита Трубецких в серебряном поле бычья голова. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкой.

С самого начала своей службы в московском государстве в качестве служилых князей Трубецкие имели высокое положение. Из этого рода вышли видные государственные деятели, военные и дипломаты¹⁰. Так, Фёдор Михайлович (умер в 1602) играл важную роль при Иване Грозном, Фёдоре Иоанновиче и Борисе Годунове. Во время войн с Польшей и Крымом неоднократно командовал русскими войсками, а в отсутствие царя оставался в Москве правителем.

Его двоюродный брат Андрей Васильевич (умер после 1611) во время войны с польским королём Стефаном Баторием освободил Псков, с успехом участвовал в войне со шведами (1596); был воеводой в Туле, Новгороде Северском, Новгороде Великом и Смоленске. Принимал участие в дипломатических переговорах, пользовался расположением царей Ивана Грозного, Фёдора Иоанновича, Бориса Годунова и Василия Шуйского. После свержения последнего с престола был в составе “семибоярщины”.

Их троюродный брат Никита Романович (умер в 1608) особенно отличился в войне со шведами, когда захватил город Выборг, затем прославился геройской защитой Новгорода Северского от войск Лжедмитрия I. Его сын Алексей Никитич (умер в 1680) был выдающимся дипломатом во времена Алексея Михайловича. Сыграл большую роль в деле присоединения Украины к России; отличился и в военных делах: командовал войсками в войне с поляками (1654–1657) и при взятии города Юрьева (1656) в русско-шведской войне.

Его двоюродный брат Дмитрий Тимофеевич (умер в 1625) в Смутное время был одним из организаторов и руководителей Первого ополчения

против поляков. После слияния его отрядов с войсками Второго ополчения, вместе с князем Дмитрием Пожарским возглавил временное русское правительство. На Земском соборе 1613 года его имя называлось в качестве одного из претендентов на престол. Он получил титул Спасителя Отечества.

Иван Юрьевич Большой (1667–1750) носил это прозвище для отличия от своего племянника, который купил Дудкино, Ивана Юрьевича Меньшого. Был фельдмаршалом, сенатором, а в последствии Московским генерал-губернатором. Его брат Юрий Юрьевич, сенатор, отличился, исполняя дипломатические поручения Петра I. Четверо его сыновей стали родоначальниками четырёх ветвей рода князей Трубецких, каждая из которых также дала немало известных военных и государственных деятелей. Трубецкие, владевшие Ахтыркой, принадлежали ко второй ветви.

Князья Трубецкие много делали вкладов в Троице-Сергиев монастырь. Во вкладной книге монастыря имеется запись: «7064 (1556) году апреля в 12 день дал вкладу князь Фёдор Михайлович Трубецкой по княгине своей Стефаниде шупку бархат зелен гладкой на золоте»¹¹. Княгиня Стефанида была похоронена возле Духовской церкви монастыря¹². Это первый известный вклад Трубецких в Троице-Сергиев монастырь и первое известное захоронение в нём представителя рода Трубецких. Князь Фёдор Михайлович дал ещё несколько вкладов по своим родным: деньги и ризы. А потом и по нему был дан денежный вклад его двоюродным братом Тимофеем Романовичем (1602).

Особенно много вкладов связано с Дмитрием Тимофеевичем Трубецким. Он был дружен с келарем монастыря Авраамием Палицыным, и монастырь находился под его покровительством¹³. Дмитрий Тимофеевич давал вклады по матери, брату и первой жене, в частности, хрустальный крест, украшенный яхонтами, который в настоящее время находится в Сергиево-Посадском музее-заповеднике¹⁴. Анна Васильевна, вторая жена Дмитрия Тимофеевича, дала вклад по мужу – 300 рублей. За тот вклад Д.Т. Трубецкого погребли в монастыре. Она сделала ещё несколько богатых

вкладов: икону в серебряном окладе, ризы и много серебряных вещей. В Сергиево-Посадском музее-заповеднике сохранились вклады А.В. Трубецкой: серебряное чеканное кадило, серебряное, золочёное блюдо конца XV века из Португалии¹⁵, фелонь золотого атласа с оплечьем тёмно-красного бархата, шитого жемчугом¹⁶. Часть вкладов по приказу мужа она давала по его отцу Тимофею Романовичу. За большие вклады на почётном месте – в западном притворе Троицкого собора – захоронены шесть представителей рода Трубецких: Дмитрий Тимофеевич, его отец мать, брат, жена, а также князь Георгий (Юрий) Петрович Трубецкой (умер в 1679), от которого ведут своё начало все живущие сейчас Трубецкие. Надгробные плиты сохранились¹⁷.

Князь Иван Юрьевич Большой дал монастырю в 1680 году четырёх лошадей, а его брат Никита Юрьевич, которому принадлежали в то время земли в Дмитровском уезде, в 1733 году дал «вкладом 50 рублёв»¹⁸.

Владельцев Ахтырки хоронили в Троице-Сергиевой лавре с северной стороны Трапезной под галереей. Сохранились надгробные плиты Николая Ивановича, Ивана Николаевича и Натальи Сергеевны Трубецких. А для захоронения Петра Ивановича была выстроена часовня возле Духовской церкви (не сохранилась). Последний из Трубецких, владевших Ахтыркой, - Николай Петрович, похоронен уже не в Лавре, а на кладбище Донского монастыря в Москве.

3. Архитектурный ансамбль усадьбы Ахтырка

*...это была величественная барская усадьба ампир, один из архитектурных шедевров начала XIX столетия.
Кн. Евгений Трубецкой*

Ахтырка приобрела новый вид при князе Иване Николаевиче Трубецком (1766–1844). Произошло это благодаря его жене Наталье Сергеевне, урождённой княжне Мещерской (1775–1852), женщине умной, образованной и чрезвычайно энергичной. Видя, что муж – человек слабохарактерный и

расточительный, она взяла управление имениями в свои руки. При ней был выстроен новый усадебный дом и каменная церковь, разбит парк и запружена речка Воря, на берегу которой находилась усадьба, так что образовался большой водоём с лодочной пристанью.

Ю. Шамурин писал об Ахтырке: «...её обширный дом и церковь около него являются перворазрядными произведениями зодчества... Время и некоторые поправки скрывают красоту архитектуры. Но достаточно взглянуть в поблекшие формы, чтобы почувствовать руку одного из лучших мастеров московского классицизма. Прекрасен садовый фасад, украшенный в средней части полукруглым выступом – открытой террасой, примыкающей к красивому сходу в сад. Эта терраса – превосходный архитектурный мотив... Ахтырка несомненно создана художником школы Джилярди, но причастен ли к ней сам мастер, сказать трудно...»¹⁹.

Усадебный дом в Ахтырке подробно описал Н.Я. Тихомиров: «Двухэтажный корпус главного дома объединялся галереями с одноэтажными флигелями. Центральная часть здания, увенчанная большим куполом, со стороны парадного двора была обработана торжественным шестиколонным портиком ионического ордера, которому с противоположной стороны, обращённой к пруду и парку, отвечала полукруглая колоннада с обширной террасой и балконом над ней. Портики боковых флигелей завершались парапетами. Помимо монументальных, простых и строгих в пропорциях основных архитектурных масс, дом привлекал внимание и своей лепниной, которая раньше не так часто встречалась на фасадах жилых зданий XVIII века. Лепной фриз узкой полосой обрамлял карниз портика и полуротонды, лепной герб Трубецких, увитый лентами, заполнял поле фронтона, лепные венки украшали стены над окнами первого этажа, а барельефные медальоны с гирляндами и факелами, помещёнными на стене за торжественной колоннадой, завершали убранство центральной части дома. Каждому декоративному пятну здесь было найдено своё место, всё было строго уравновешено и композиционно закончено...

Замечательно, что, несмотря на строгость форм и пропорций, монументальность основных масс и богатств декора, это здание воспринималось не как дворец, а скорее как вилла. Надо сказать, что оно было построено из дерева и даже не оштукатурено, а обшито досками. Так строгие античные формы, воплощённые в дереве, приобрели у нас своеобразный интимный характер»²⁰.

Тихомиров считал автором проекта усадебного дома А.С. Кутепова (1781–1855), ученика Доменико Жилярди. Предположение об авторстве Кутепова высказал и А.Н. Греч, отмечавший, что в Ахтырке был «едва ли не единственный уцелевший до наших дней ансамбль подмосковной усадьбы, целиком выдержанный в этом стиле» (московского классицизма – Т.С.)²¹. Однако в последнее время возникло предположение, что усадебный дом построен по проекту самого Жилярди (1788–1845). Изменилось и мнение о времени постройки дома: не 1807 – 1810, как предполагалось прежде, а 1820–е годы²².

Проект ахтырской церкви есть в альбоме А.С. Кутепова²³. Нашёл его, как и документ с датой её освящения – 20 сентября 1825 года – Д.С. Ганешин²⁴. Надо заметить, что среди представленных в этом альбоме проектов церквей и колоколен, несомненно, проект, выбранный владелицей Ахтырки, был наилучшим. Особенно замечательна колокольня – на редкость стройная в отличие от большинства колоколен XIX века. В настоящее время церковь и колокольня реставрированы. Кубический объём церкви, завершённый купольной ротондой, имеет простые, строгие формы дорического ордера. Колоннады боковых портиков сообщают сооружению торжественную монументальность²⁵. В декоре церкви использованы древнегреческие элементы дорического ордера: триглифы, метопы, гутты, мутулы. Пояс на стенах имеет меандровый орнамент. Храм соединён с колокольней крытым переходом. Стены церкви и колокольни выкрашены в тёмно-красный цвет, на фоне которого хорошо выделяются белые колонны, пилястры и декоративные детали. Благодаря такой окраске церковь

исключительно живописна. Правда, возможно, что первоначальная окраска её была такой же, как и усадебного дома – бледно-жёлтой, как видно на акварели с видом Ахтырки 1840-х годов²⁶.

Живописен был в Ахтырке и парк, разбитый в старом расчищенном лесу. Евгений Трубецкой писал: «...глаз, привыкший к стилю, радовался тут на каждом шагу. Мостики, переброшенные через ручьи, с грациозными перилами в берёзовой коре, круглая одноэтажная беседка “гриб”, двухэтажная беседка “эрмитаж” с мезонином, с дивным видом с лесистого холма на дом, утопающий в зелени на противоположном берегу реки, пристань для лодок в стиле дома. Весь этот огромный сад с вековыми деревьями, берёзами, липами, тополями, соснами и елями был раскинут по холмам по обоим берегам реки Вори, запруженной и образующей в Ахтырке широкую водную поверхность с островом посередине, куда мы часто ездили на лодке. Всё это было с любовью и удивительным вкусом устроено моей прабабушкой»²⁷.

Сын Натальи Сергеевны Пётр Иванович поставил в честь матери памятник на холмике на берегу реки. На гранитной колонне было выбито стихотворение, им сочинённое²⁸:

Тебе, мать нежная, драгая,
Я памятник воздвигнул сей,
Чтоб ум твой, доблесть вспоминая,
Излить здесь глас души моей.

Ты местность эту сотворила,
Храм Божий, воды, дом и сад.
Саму природу победила,
Всеми дав стройный, дивный лад.

Вся жизнь твоя была сплетенье
Забот семейных и трудов,
А здесь нашла ты развлеченье
У милых Вори берегов.

Да будет век же вспоминанье
Сей памятник делам твоим,
А мне то сладостно сознанье,

Что сын воздал достойно им.

4. Князь Пётр Иванович Трубецкой

*У наших предков Трубецких
архитектурные линии имели
значение господствующее...
Кн. Евгений Трубецкой*

Пётр Иванович Трубецкой (1798–1871), генерал от кавалерии, позже сенатор, Смоленский и Орловский военный губернатор, был типичный вельможа XVIII века, любивший церемониал и манеры, стремившийся следовать им и в своей подмосковной усадьбе. Из воспоминаний его внука Евгения Трубецкого: «Дедушка не только требовал, чтобы все кругом подчинялись стилю, но он и сам ему подчинялся... Раз заведённый порядок повторялся у него изо дня в день, из часа в час. Всё те же часы вставания, всё та же каждодневная прогулка с сидением точно определённого количества минут на названной в его честь княжой скамейке в парке. И никакая погода не была в состоянии изменить этого обязательного для него расписания.

Однажды в холодный дождливый осенний день моя мать сопровождала дедушку во время прогулки. Когда он по обыкновению сел на княжью скамейку, она тоже хотела посидеть вместе с ним, но он дрожащей от холода рукой вынул из кармана часы и, посмотрев на них, сказал: «Идите, идите, дорогая, домой, я боюсь, что Вы простудитесь, а я должен оставаться ещё на десять минут на этой скамейке». И досидел...»²⁹.

Интересно описание приездов П.И. Трубецкого в Ахтырку и престольных праздников, сделанное Е.Н. Трубецким. Он писал, «что всё в дедушке, в его большом доме и во всей обстановке казалось нам, детям, торжественным, таинственным и несколько страшным.

Помню, как нас, детей, волновал и занимал самый церемониал его приезда. Задолго до того времени, когда его ждали с железнодорожной станции, два дюжих парня влезали на зелёный купол большого дома, над которым красовался шпиль для флага. Оттуда открывался широкий вид, и

парни должны были зорко смотреть на мост – в версте от усадьбы, – обозначавший границу ахтырской земли. Флаг должен был взвиться ровно в ту минуту, когда старый князь переезжал через эту границу...

Внутри дома тоже всё было парадно: мебель из карельской берёзы, не допускающая дурных манер, ибо на ней нельзя развалиться, мебель как бы подтягивающая сидящего на ней. Портрет императора Александра Павловича в пурпуровом одеянии и со звездой, с царственным жестом и с любезно-кислой улыбкой...

Эти портреты, карельская мебель и огромная трубка старого князя, которую он не мог закурить без камердинера, так как для этого нужно было зажечь в ней целый костёр, всё это было будничным парадом дедушки. Но, кроме того, у него был ещё особый праздничный парад, который развёртывался в полном своём блеске 2 июля, в день престольного церковного праздника Ахтырской иконы Богоматери.

Как я любил этот день! С утра появлялись на лугу между домом и церковью палатки, торговавшие семечками, пряниками и иными гостинцами для народа. Потом мы отправлялись к обедне в церковь, где стояли на особом княжеском месте, обнесённом балюстрадой. Весь день водились хороводы с песнями, и к вечеру народ приходил к большому парадному крыльцу, открытой террасе со ступеньками, где совершался торжественный выход дедушки к народу, своего рода высочайший выход.

Дедушка садился на кресло смотреть, как мальчишки и парни лазили доставать подарки, навешанные на высокие мачты. Первые скользили, не долезали; наконец, при общем ликовании, какой-нибудь догадливый парень натирал руки смолой и долезал. Когда все подарки были сняты, начиналась раздача подарков бабам и девкам – раздавались бусы, платки и ленты. Бабы выстраивались чинно в ряд, подходили по одной, целовали дедушкину руку, лежавшую на подушке, а из другой получали подарок. Но при этом дедушка дарил только своим бывшим крепостным из Ахтырки и Золотилова, двух его деревень. Как не спутать своих с чужими? Для этого шеренга баб проходила

между двумя нашими бывшими кормилицами – Фёклой и Марией, от которых получали аттестацию: “своя – чужая, своя – чужая”. Своей давались бусы, а чужой кормилицы давали в шею»³⁰. Трудно предположить, что такой отбор объяснялся скупостью князя. По-видимому, в этом сказалось присущее ему чувство порядка. Само же это чувство, свойственное многим людям той эпохи можно объяснить тем, что большинство дворян исполняло чаще всего военную службу, связанную с чётким распорядком дня. Выйдя в отставку, они испытывали потребность завести чёткий порядок и в усадьбе. Ведь для человека, не имеющего обязанностей, всегда существует угроза расслабиться и опуститься. К тому же на протяжении поколений усадебная жизнь, как и крестьянская, была тесно связана с природой и в значительной степени определялась сменой времён года и праздничным циклом православного календаря.

Интересно, что и внук П.И. Трубецкого, Сергей Евгеньевич (1890–1949) считал, что «строго установленный уклад полной содержания жизни, стройность и чинность во всём – самая лучшая, незаменимая обстановка для воспитания детей. Именно в такой атмосфере, по милости Божией, протекло моё детство», – писал он³¹.

5. Николай Петрович и Софья Алексеевна Трубецкие.

Музыка в Ахтырке.

*Всё наше детство протекло
под впечатлением ухода
Папа в музыку.
Кн. Евгений Трубецкой*

Очень изменилась жизнь в Ахтырке с начала 1860-х годов, когда в ней поселился Николай Петрович Трубецкой (1828–1900) с молодой женой Софьей Алексеевной, урожденной Лопухиной (1841–1901). Их сын Евгений Трубецкой вспоминал: «В шестидесятых и семидесятых годах этот стиль (ампир – Т.С.) уже не гармонировал с окружающим. Вся жизнь

перестраивалась заново, вследствие чего симметрия дедушкиного стиля подвергалась постоянным вынужденным нарушениям со стороны... Великолепия старой ахтырской архитектуры мои родители просто не понимали, архитектуру ахтырского дома они систематически портили. И происходило это именно оттого, что архитектурный стиль был в данном случае лишь ярким воплощением стиля жизненного. У наших предков – Трубецких, архитектурные линии имели значение господствующее; для нас – значение только подчинённое... Мои родители требовали, чтобы формы, линии жизни подчинялись её содержанию; иногда они впадали в крайность пренебрежения к форме.

Архитектура ахтырского дома, с её отсутствием удобств и пренебрежением к жилым комнатам, выражала определённый жизненный принцип: всё для великолепия. И великолепие, разумеется, служило более родителям, нежели детям. Наоборот, – новый жизненный принцип, внесённый Мам`а в Ахтырку, выражался в положении – всё для детей... Тут были даже преувеличения, и мы были ими избалованы... Пользуясь материалами, привезёнными для постройки галереи, я со стороны, тоже вздумал строить дом, а родители отнеслись с полным сочувствием к этому здоровому и полезному занятию и отвели мне под стройку место самое удобное для их за мной надзора, непосредственно под великолепной каменной террасой с коринфскими колоннами, где раньше совершались “высочайшие выходы” дедушки к народу. Там, выкопав четыре ямы, я поставил четыре столба, обшил их разноцветным тёсом, где старые серые тесины были смешаны с белыми, и устроил из неровного тёса кривую крышу с большими щелями. Плотники, собравшись посмотреть на моё сооружение, громко, гомерически хохотали»³².

«Вспоминая переход Ахтырки моего деда к Ахтырке моего отца, – продолжал Евгений Трубецкой, – я испытываю впечатление, словно вся величественная архитектура ахтырской усадьбы ушла вовнутрь, превратилась в иную, магическую архитектуру звуков»³³.

Николай Петрович, воспитанник Пажеского корпуса, затем чиновник Орловской и Петербургской казённых палат, офицер Преображенского полка, участник походов Венгерской и Крымской компаний 1849–1854 годов, вышел в отставку и переехал из Петербурга в Москву в 1856 году. Здесь он познакомился со знаменитым пианистом Николаем Григорьевичем Рубинштейном, стал его ближайшим другом, помощником, покровителем и безвозмездным спонсором. Для одарённого музыкально князя главным делом жизни стала организация музыкальной жизни Москвы и создание Московской консерватории.

В середине XIX века, когда Европа переживала расцвет музыкального романтизма и романтического исполнительства, в России было затишье. Общество удовлетворялось преимущественно любительским музицированием. Общедоступные симфонические концерты давались крайне редко и проходили в залах, которые не могли вместить всех желающих. До 1862 года, когда была открыта Петербургская консерватория, в России не было ни одного специального музыкального заведения. Особенно плачевным по сравнению с Петербургом было положение в Москве, где держалась традиция устраивать немногие публичные концерты только великим постом, в остальное же время музыка звучала только в частных домах. Репертуар был большей частью салонный. Чтобы изменить положение вещей, нужны были люди непомерной энергии и энтузиазма.

И такие люди нашлись. В Петербурге учредил Русское Музыкальное общество (РМО) в 1859 году Антон Григорьевич Рубинштейн, композитор, пианист и дирижёр. А в Москве его брат пианист Николай Григорьевич Рубинштейн и князь Николай Петрович Трубецкой создали в 1860 году Московское отделение РМО и в 1866-м открыли Московскую консерваторию. При этом Н.Г. Рубинштейн отвечал за художественную часть, а всеми организационными вопросами занимался Н.П. Трубецкой. Благодаря своему титулу и весу в обществе ему удавалось преодолевать административные препоны. Сумел он преодолеть и инертность публики

благодаря устройству общедоступных концертов со специальными общедоступными программами и по недорогим билетам. В концертах звучало много новейшей музыки: Чайковского, Балакирева, Римского-Корсакова, Кюи. Н.П. Трубецкому удалось привлечь широкого слушателя. Пятнадцать лет он был председателем Московского отделения РМО, и за эти годы оно имело успех даже больший, чем в Петербурге.

Предметом особых забот Н.П. Трубецкого была Московская консерватория. Он сделал всё возможное для её создания, в том числе для поиска материальных средств и помещения для неё. Он лично входил во многие дела Консерватории: составление штатного расписания, координацию сроков студенческих экзаменов и спектаклей и пр. Но, отдавая РМО и Консерватории все силы и средства, Николай Петрович предпочитал оставаться в тени. Он не искал популярности, публиковал в «Московских ведомостях» статьи о нуждах Консерватории без подписи. Для него важен был успех дела, а не слова. И сейчас заслуги этого человека, так много сделавшего для расцвета русской музыки и, в первую очередь, для музыкальной жизни Москвы, практически забыты³⁴.

В 1860–1870-е годы в Ахтырке подолгу гостили выдающиеся музыканты, профессора Московской консерватории: знаменитый виолончелист Косман, один из первых скрипачей мира – Лауб и его ученик Гржимали, виолончелист Фитцгаген и сам Н.Г. Рубинштейн³⁵. В 1867г. побывал в Ахтырке и П.И. Чайковский.

Дела РМО Н.П. Трубецкой вел превосходно, а вот хозяйственные из рук вон плохо. Евгений Трубецкой считал это типической чертой новой эпохи, начавшейся после отмены крепостного права. Он писал: «Выбитое из старой колеи дворянство всё куда-то уходило от старых традиционных форм, от старых усадеб и семейных вотчин, и, уходя, разорялось. Иные прожигали жизнь, кутили, играли в карты... Пап`а уходил иначе. Его уход всегда кому-нибудь или чему-нибудь служил, дорогому общему делу или любимым людям: для чужих и общих дел он был сосредоточен, для своих –

безгранично рассеян. Но внешний результат от этого получался для него тот же, как и для всего уходящего дворянства того времени. Имена запускались и хронически не давали дохода, ... и дворянин, в конце концов, уходил уже буквально из своей усадьбы, потому что вынужден был её продать»³⁶.

Это произошло и с Ахтыркой. Один из братьев Н.П. Трубецкого проиграл большую сумму в карты, заплатить не смог и попал в “долговую яму”. Его братья и сестры, чтобы смыть такой неслыханный позор, продали, что смогли. Но у Николая Петровича средств уже не было. Его широкая благотворительность, музыкальное общество, консерватория, большая семья поглотили всё его состояние. Уже в 1876 году он вынужден был поступить на службу, заняв должность Калужского вице-губернатора. Семья переехала в Калугу и бывала в Ахтырке только летом. А в 1879-м усадьбу пришлось поспешно и дёшево продать.

Евгений Трубецкой писал об отце: «Если б он был другой, мы были бы богаче, куда богаче. Но тогда Ахтырка не была бы той симфонией, которая врезалась нам в душу, не было бы этой Ахтырки звуковой, а она в нашей памяти насквозь пропиталась звуками и ими одухотворялась. Когда я её вспоминаю с закрытыми глазами, мне кажется, что я её не только вижу, но и слышу. Словно звучит каждая дорожка в парке, всякая в нём роща, лужайка или поворот реки; всякое место связано с особым мотивом, имеет свой особый музыкальный образ, неразрывный со зрительным»³⁷.

После того, как Н.П. Трубецкой вернулся из Калуги в Москву, он служил по ведомству императрицы Марии Федоровны – сначала по хозяйственной части в Елизаветинском институте, а через некоторое время к этому была присоединена обязанность управления больницей Павла I в Москве. Последние годы он большей частью жил в усадьбе Меншово Подольского уезда Московской губернии, принадлежавшей Лопухиным. Там он и скончался.

У Н.П. Трубецкого было более 50 внуков и внучек. Он довольно мало обращал на них внимания. А Софья Алексеевна очень любила и детей своих,

и внуков. «Она красиво вязала шерстяные вещички для новорождённых младенцев и знала разные “points” (рисунки для вязания), – вспоминала её внучка М.Ф. Мансурова. – Эти нежные крохотные носочки, голубые для мальчиков и розовые для девочек, иногда отделанные по краю крохотными помпончиками, эти распашонки из тончайшего батиста (бабушка умела их шить), вязаные кофточки, чепчики и одеяльца, вязаные и сверху ещё вышитые шёлком, эти голубые и розовые ленточки, на которых вешались в кроватках серебряные образочки – неразрывно связаны с образом бабушки...

Бабушка не казалась домовитой хозяйкой. Можно думать, что, подобно матери С.Т. Аксакова, она относилась немного свысока к хозяйству. Но между ней и миром вещественным разрыва не было. Не тяжела была её связь с землёй, но крепка и празднична. С неотравленным доверием к жизни, со взглядом прямым и открытым жила бабушка; она была психически здорова и молода душой. То, что она дарила детям – был ли это бисер с канвой и узорами, или пасхальное яйцо из цветного стекла, или шоколадная бомба с сюрпризом – шло к нам не только от неё, но и через неё. Бабушка ещё дарила нам прелестные детские книжки. Её подарки давали радость, утверждали жизнь. Радовали и её приезды к нам, самое её присутствие и её облик»³⁸.

Смерть любимой дочери Антонины Николаевны (1864–1901), такая ранняя, потрясла Софью Алексеевну. Она пережила её только на один месяц.

6. Воспитанные Ахтыркой

*... мы там дышали благодатью,
словно благодатью был там полон
каждый глоток воздуха.
Кн. Евгений Трубецкой*

Детство девяти детей Н.П. Трубецкого от второго брака прошло в Ахтырке. Вся духовная атмосфера детства была создана их матерью Софьей Алексеевной. Она происходила из стародворянской семьи Лопухиных. Как писал Евгений Трубецкой, в этой семье «не было княжеского “великолепия”,

не было той ширины барского размаха, как у дедушки Петра Ивановича, но зато было несравненно больше свободы. А, главное, была недостающая старому поколению Трубецких душевная теплота, естественность, жизнерадостность и та очаровательная стародворянская уютность жизни, которая нашла себе гениальное изображение в семействе Ростовых толстовского романа»³⁹.

Софья Алексеевна дала детям религиозное воспитание. Над кроватью каждого ребёнка висел образ Преподобного Сергия Радонежского. По вечерам она читала им Евангелие и завела обычай исповедоваться ей каждый день в детских преступлениях. Евгений Трубецкой приводит в своих воспоминаниях такой случай. «Моя маленькая сестрёнка, кажется, Тоня ползает под столом после обеда и собирает крошки. Она знает, что это запрещено и потому говорит: “Мам`а, отвелнись, я буду собирать клошки!” Мам`а указывает на образ и говорит: “Я не увижу, так Бог увидит”; а Тоня ей в ответ: “Пелвелни Бога”.

Не помню, что сказала на это Мам`а. Помню только, что с этой минуты с какой-то необычайною силою гипноза мне врезалось в душу религиозное ощущение, навсегда оставшееся для меня одним из центральных и самых сильных, – ощущение какого-то ясного и светлого ока, пронизывающего тьму, проникающего и в душу, и в самые тёмные глубины мирские; и никуда от этого взгляда не укроешься. Такие гипнотические внушения – самая суть воспитания, и Мам`а как никто умела их делать»⁴⁰.

Больше всего С.А. Трубецкую «возмущали всякие проявления неуважения к личному достоинству... Никогда не забуду – писал Е.Н. Трубецкой, – силы её гнева, когда однажды, бросая пряниками в день ахтырского праздника, я целился в головы мальчиков и бросал с силою, причиняя боль. По ужасу, изобразившемуся в её глазах, я понял, какой ужас я сделал. Гипноз этого взгляда сделал для меня такое третирование крестьянских мальчиков раз навсегда невозможным... Мы выросли в понятиях равенства всех людей перед Богом»⁴¹.

«Собственно все эти сменявшие друг друга без конца гувернантки, как и единственный гувернёр, – были не столько нашими воспитателями, – писал Е. Трубецкой, – сколько орудиями нашего воспитания – для французского языка и для прогулки. Самая суть воспитания не вверялась им, а исходила непосредственно от моей матери, которая не любила и не допускала рядом с собою чьего-либо сильного постороннего влияния. Она хотела быть всем для своих детей и достигала этого с успехом, но поэтому рядом с ней кому-либо другому было трудно быть чем-нибудь... Воспитание наше было слишком интимным и внутренним, чтобы кто-либо мог тут существенно помогать. Помню, как Мама готовила нас к первым нашим детским исповедям, читая Евангелие. Страдания Христа и ужас человеческого греха, приведший к этому, так ярко изображались в наших душах, потрясающая повесть о Голгофе так захватывала, что мы все плакали. Какое могло быть другое воспитание рядом с этим, и кто другой мог в этом сотрудничать!..

Помню, как неотразимо могуче было, благодаря влиянию Мама, первое действие на наши души великих русских писателей, каким праздником для нас были её чтения “Вечеров на Хуторе” Гоголя и “Записок охотника” Тургенева. Помню, как я десятилетним мальчиком был до глубины души взволнован и потрясён рассказом “Муму”, как она сумела по поводу этого рассказа заставить нас сразу почувствовать весь ужас канувшей в воду эпохи крепостного права. Я и до сих пор не могу вспомнить “Муму”, чтобы не вспомнить о ней. Такие воспоминания не только врезаются в память, они остаются в ней на всю жизнь духовными двигателями»⁴².

Старший из сыновей Н.П. Трубецкого (от второго брака) Сергей (1862–1905) стал выдающимся философом. Историю новой философии он начал изучать с седьмого класса гимназии. Закончил историко-филологический факультет Московского университета. С университетом была связана вся его дальнейшая жизнь. Магистерскую диссертацию «Метафизика в Древней Греции» он защитил в 1889 году, а докторскую – «Учение о Логосе в его

истории» – в 1900-м. Его философские труды, изданные посмертно, составили шесть томов.

В формировании философских взглядов С.Н. Трубецкого, несомненно, сказалось воспитание, полученное в Ахтырке. «Самое имя “Сергий” не случайно было ему наречено при крещении, – писал его брат Евгений. – Хотьковом и Лаврой полны все наши ахтырские воспоминания. Нужно ли удивляться, что мирозерцание моего брата, а в особенности внутренняя музыка его существа – насквозь насыщены густым звоном лаврских колоколов и носят на себе печать великой народно-русской святыни?.. Образ любви, собирающей народ и организующей его в собор, сильно врезался нам в душу... Любовь к сверхнародному – Божьему и любовь к родному – русскому тут были одно... Когда я вспоминаю жизнь моего брата Сергея, мне всегда кажется, словно в нём чувствовалась мысль и воля этого святого – исповедника соборности, который учил прежде всего любить, а потом уже созерцать»⁴³.

Надо упомянуть, что свою магистерскую диссертацию Сергей Трубецкой посвятил матери.

Но С.Н. Трубецкой не ограничивался научными занятиями. Можно сказать, что он жертвовал ими ради общественной деятельности. «Всего каких-нибудь десять лет со дня вступления на литературное поприще, с 1889 по 1899 год, а, может быть, и того меньше, он мог отдавать величайшему для философа счастью погружения в мысль и созерцания духовного. Потом начались те тяжкие предродовые муки России, которые с удвоенной силой переживались всеми теми университетскими деятелями, которые горячо и глубоко любили нашу учащуюся молодёжь, тогда шедшую в авангарде всего общественного движения»⁴⁴.

С.Н. Трубецкой активно участвовал в университетской жизни, выступал за университетскую автономию, за право совета профессоров на руководство всем ходом академической жизни и за широкую свободу академических союзов и собраний в среде студенчества. Но он был против внесения

политики в стены университета, превращения университета в политический клуб. Свободу проведения политических митингов и манифестаций вне университета Трубецкой считал необходимым условием возвращения университетской жизни в академическое русло⁴⁵.

Свою задачу как философ и профессор Московского университета Трубецкой видел в том, чтобы не распространять дух нетерпимости. Он противопоставлял ожесточённости, распространившейся в начале XX века и в научной среде, взвешенный тон своих научных трудов, мудрость и спокойствие. Он проявлял христианское отношение даже к тем критикам, которые допускали личные выпады против него⁴⁶.

В 1905 году С.Н. Трубецкой был избран в состав депутации, которую Съезд земских и городских деятелей в Москве решил направить к Николаю II. С.Н. Трубецкой выступил на аудиенции перед императором, и тот просил Трубецкого подготовить записку о настоящем положении высших учебных заведений и о мерах по восстановлению в них порядка.

2 сентября 1905 года С.Н. Трубецкого избрали ректором Московского университета. Но студенческие сходки в университете продолжались, причём в них участвовала масса посторонней публики. И уже через 20 дней после вступления в должность Трубецкой вынужден был закрыть университет, чтобы не допустить ввода на его территорию войск и полиции. Он выехал в Петербург и 29 сентября на приёме у министра народного просвещения скончался от кровоизлияния в мозг⁴⁷. Похороны С.Н. Трубецкого вылились в грандиозную политическую манифестацию. Похоронен он на кладбище Донского монастыря.

Женат С.Н. Трубецкой был на княжне Прасковье Владимировне Оболенской. Брак этот состоялся после восьми лет взаимной влюблённости. Препятствием являлось то, что брат С.Н. Трубецкого Пётр Николаевич (от первого брака Н.П. Трубецкого) был женат на сестре Прасковьи Владимировны. По православным канонам не допускались браки братьев на сёстрах. «Сомнение моё было тяжко: хорошо ли я делаю, жертвуя букве

канона счастьем, а может быть, жизнью любимого исстрадавшегося существа, – писал он брату Евгению... – ты один можешь понять те нравственные и религиозные мучения, через которые я прошёл»⁴⁸. И С.Н. Трубецкой решился переступить канон. У них было трое детей: Николай, Мария и Владимир. Ими маленькими отец постоянно восхищался в письмах к родным. Но ему не суждено было увидеть их взросление.

Евгений Николаевич Трубецкой (1863 – 1920) был только на год моложе своего брата и тоже являлся учеником философа и поэта Владимира Соловьёва. Он учился на юридическом факультете Московского университета и одновременно увлекался изучением истории философии. Однако, в отличие от брата, не перешёл на историко-филологический факультет. В одном из писем объяснял, что и тут может получить степень магистра философии права: «Больше мне ничего и не нужно, так как степень магистра нужна мне только для того, чтобы иметь должность, дающую кусок хлеба и полную возможность предаваться учёным исследованиям»⁴⁹.

Финансовое положение семьи было в то время трудным. Евгений Николаевич писал матери из Ярославля (он преподавал после окончания университета в Демидовском юридическом лицее в Ярославле), какие у него скудные завтраки и обеды, и добавлял: «Приведу пример моих экономий: 1) у меня кофейник керосиновый, а не спиртовой, 2) я совсем не беру белого хлеба и к чаю, а покупаю сушки...» В Ярославле Трубецкой защитил магистерскую диссертацию и послал её матери с письмом, в котором были такие строки: «... все благие семена посеяны тобою с детства, все наши идеальные стремления первоначально исходят из тебя, потому что от тебя всё наше сердечное воспитание и всё, сколько в нас есть живой любви, душевной теплоты, все эти сокровища внутренней душевной жизни мы первоначально от тебя восприяли...»⁵⁰.

В 1893 году Е.Н. Трубецкой перешёл в Киевский университет, а после смерти брата стал профессором Московского университета (1906–1911). Докторскую диссертацию он защитил в 1897-ом. Обе его диссертации

посвящены рассмотрению идеала западноевропейского христианства. Он автор многих философских работ, в том числе таких, как «Философия Ницше», «История философии права», «Смысл жизни». Е.Н. Трубецкой был одним из представителей философии всеединства. Он считал, что человек несёт ответственность за зло в мире, что надо ценить всякое, даже относительное усовершенствование в жизни общества и человека⁵¹.

Женат был Евгений Николаевич на княжне Вере Александровне Щербатовой и имел двух сыновей и дочь. В доме была особая атмосфера. Его сын Сергей вспоминал: «Уходя к себе в кабинет заниматься, Пап`а как будто покидал землю и уходил в какие-то другие, нездешние области... Когда Пап`а общался с нами, мы чувствовали себя совершенно просто, но когда он “начинал о чём-то думать”, а тем более уходил в свой кабинет, отношения между нами совершенно прекращались. Нам было запрещено входить в кабинет Пап`а, когда он занимается, но мы и так не посмели бы туда войти. В кабинете Пап`а был окружён для нас какой-то мистической атмосферой...»⁵².

Е.Н. Трубецкой не любил светской жизни. «Надеть фрак и ехать куда-нибудь для светского времяпрепровождения было для Пап`а действительно настоящим страданием, – писал его сын. – Больше всего он любил заниматься в своём кабинете, слушать серьёзную музыку или проводить время в тесном семейном кругу. Однако, горячий патриотизм и высокое чувство постоянно толкали его на путь общественного служения, к которому, по существу, у Пап`а было мало вкуса, но тут он не щадил ни сил, ни времени»⁵³.

Е.Н. Трубецкой участвовал в земском движении, был одним из основателей кадетской партии, членом Государственной думы, а в 1907–1908- годах членом Государственного совета. «Трубецкой считал, что Дума обязана вынести моральное осуждение террористам, ...твердил, что этого требует совесть народная... На все свои морально-правовые доводы он неизменно получал один ответ: “Пусть правительство сначала прекратит свой террор, а там посмотрим!”»⁵⁴. В январе 1906-го Трубецкой вышел из

кадетской партии. Свою политическую цель он видел в консолидации либеральных сил за мирное обновление России путём реформ. Для этого он решил издавать журнал «Московский еженедельник». Большую долю расходов взяла на себя вдова известного купца М.А. Морозова Маргарита Кирилловна, ставшая близким другом Трубецкого. Вместе с ним она вошла в число основателей и активных участников Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва, созданного в 1906 году. Оно объединяло таких мыслителей как С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, В.Ф. Эрн и др.

В 1910 году «Московский еженедельник» прекратил своё существование, но на средства Морозовой было создано издательство «Путь», публиковавшее произведения русских религиозных философов. По-видимому, идея организации этого издательства принадлежала Трубецкому. Он возлагал надежды на религиозное сознание народа и считал, как и другие организаторы и сотрудники «Пути», что главная задача – религиозное просвещение народа, воспитание в нём приверженности высоким христианским идеалам⁵⁵.

После февральской революции Е.Н. Трубецкой вернулся в кадетскую партию, участвовал в марте 1917 года в кадетском съезде. Он считал, что «в спокойное, тихое время “политика” может быть предоставлена профессиональным политикам, но в такие минуты, как нынешняя (апрель 1917 – Т.С.) должна действовать всеобщая политическая повинность. Как бы ни было тяжело нам заниматься политикою – бывают дни, когда любовь к родине делает такое послушание обязательным»⁵⁶.

Трубецкой вместе со своими единомышленниками считал необходимым восстановление в России патриаршества, отменённого ещё Петром I. В ноябре 1917 года состоялся Всероссийский поместный церковный собор, избравший Патриарха. Е.Н. Трубецкой был товарищем (заместителем) председателя Собора. Два раза ему пришлось идти на заседание Собора буквально под пулями. Он вошёл в состав Главного объединённого совета

приходских общин при Московском патриаршестве. Участвовал в крестном ходе, который двигался из всех московских церквей в Кремль, а потом на Красную площадь в январе 1918-го⁵⁷. «Всё это так всецело захватывало и занимало его, что он замечал наши голодные обеды и завтраки скорее с некоторым удивлением (“почему не дают больше и лучше?”), чем с другим чувством», – писал его сын⁵⁸.

Находиться в большевистской Москве становилось не только голодно, но и опасно. Многие уезжали. Но князя удерживали церковные дела. Однако, когда генерал Я.Г. Жилинский, выпущенный из тюрьмы на поруки Трубецкого, решил бежать за границу, Трубецкому пришлось уехать. Под вымышленной фамилией, с несколько изменённой внешностью он направился на Украину и далее с белой армией на Юг. Заболел сыпным тифом и скончался в Новороссийске 23 января 1920 года⁵⁹.

Среди трудов Е.Н. Трубецкого особое место занимают очерки о древнерусском искусстве, имеющие непреходящее значение: «Умозрение в красках» (1915), «Два мира в древнерусской иконописи» (1916) и «Россия в её иконе» (1917). Трубецкой постиг язык иконописи, понял символику красок, значение золотого ассиста икон, смысл архитектурных форм. И смог донести это до слушателей – очерки были прочитаны как лекции. В них слиты воедино эстетическое, философское и богословское понимание древнерусского искусства.

Григорий Николаевич Трубецкой (1873–1929) избрал дипломатическую карьеру. Но он, очевидно, находился под сильным влиянием брата Евгения. Даже прерывал дипломатическую работу для помощи ему в работе над журналом «Московский еженедельник». Но в 1914 году по просьбе министра иностранных дел вернулся к дипломатической деятельности, был посланником в Сербии, а по возвращении в Россию директором Дипломатического отделения Царской ставки.

После Февральской революции вместе с братом занимался подготовкой Церковного собора. Призывая к восстановлению патриаршества, он в

сентябре 1917 го говорил в одной из своих речей так: «Кто может поручиться за то, что мы не вступаем в период тяжких испытаний Церкви, когда ей будет нужен твёрдый защитник, сознающий свою личную ответственность за внешние отношения, призванный в качестве первого архиепископа к защите целостности, чести, достоинства и права Церкви?»

Г.Н. Трубецкой принял активное участие в добровольческом движении. С декабря 1917 го он был в Новочеркасске советником генерала Алексеева. После поражения первой Добровольческой армии с большим трудом, с чужими документами вернулся в Москву, но затем снова присоединился к Белой армии. Занимал должность Министра вероисповеданий, а затем был заместителем Министра иностранных дел в правительстве Врангеля. О своём участии в добровольческом движении Г.Н. Трубецкой написал летом 1919г. воспоминания «Годы смут и надежд». Это воспоминания человека, который тонко разбирался в нюансах политики иностранных государств по отношению к Добровольческой армии, в настроениях казачества, в особенностях личностей, руководивших белым движением, благодаря чему они являются важным источником для изучения истории гражданской войны в России⁶⁰.

Женат был Г.Н. Трубецкой на Марии Константиновне Бутеновой и имел шесть сыновей. Один из них – Константин – погиб в сражении на Перекопе, уступив своего коня более тяжело раненому товарищу. После поражения Белой армии Врангеля семья Г.Н. Трубецкого оказалась в эмиграции⁶¹.

Ольга Николаевна Трубецкая (1867–1947) перенесла детский паралич, вызвавший хромоту. Она не вышла замуж. В 1892 году во время голода в России занималась организацией помощи голодающим, открытием столовых. Изучала наследие князя Черкасского, одного из активных сторонников реформы 1861года. Ею составлена «Семейная хроника» о нескольких поколениях Трубецких – она собрала и переписала различные свидетельства о жизни семьи с начала XIX века и до своей кончины. Опубликована также её работа «Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры». Но главным

занятием Ольги Николаевны была живопись. Она участвовала во многих выставках⁶². После революции это помогло ей выжить. Как писал её брат Григорий, «у неё было положение художницы, которое давало ей некоторое право быть терпимой в большевистском строе. Это же фактически помогало ей жить; она выгодно продавала свои картины – интерьеры старинных домов. Чем больше разрушали старину и быт, тем больше ценились хотя бы его изображения»⁶³. В 1922-ом. Ольга Николаевна уехала к брату в Париж.

Все дети Софьи Алексеевны Трубецкой были красивы и талантливы. Дочери, за исключением Ольги Николаевны, вышли замуж и посвятили себя семьям. Старшие – Антонина (1864–1901) и Елизавета (1865–1935) подросли в Калуге и только один сезон (1883/84) выезжали в свет, живя в Москве у своей тётки. Вскоре Антонина Николаевна вышла замуж за Фёдора Дмитриевича Самарина из известной семьи славянофилов, занимавшего в то время пост предводителя дворянства Богородского уезда Московской губернии. Елизавета Николаевна вышла замуж за Михаила Михайловича Осоргина, происходившего из старинной дворянской семьи, в то время Тульского губернатора. И Ф.Д. Самарин, и М.М. Осоргин рано оставили службу. Но не могло быть и речи о праздности. Ф.Д. Самарин работал над вопросами крестьянского землеустройства, народного просвещения, а также изучал всё новое, что появлялось в западной печати по вопросам богословия и истории Церкви. М.М. Осоргин посвятил себя воспитанию своих детей и занятиям хозяйством в своей усадьбе Сергиевское Калужской губернии. Семьи Самариных и Осоргиных были очень религиозны. М.М. Осоргин в эмиграции принял сан священника.

Григорий Николаевич Трубецкой писал о Елизавете Николаевне: «Она, как и моя мать, всю душу свою отдала детям. И отец, и мать главное старание своё положили на то, чтобы воспитать своих детей в духе Церкви, и это им удалось вполне. Все вышли верующими не напоказ, а глубоко, все с раннего детства пропитались красотой и благолепием богослужения в храме, где начали петь, как только позволил это самый ранний возраст. Моя сестра

была очень музыкальна, она восприняла в себя ту атмосферу музыки, в которой прошло её детство в доме родителей, и в свою очередь передала это детям»⁶⁴.

После революции младший из сыновей Осоргиных – Георгий попросил выделить ему участок земли (всё хозяйство у Осоргиных отобрали). Крестьяне совестились происшедшего и отрезали ему землю, оставили рабочий скот и семена. Он стал проводить весь день в поле. Ему помогали сёстры. Но осенью 1918-го Осоргиным пришлось в три дня покинуть усадьбу по требованию калужских большевиков. «Эти три дня Осоргины провели в посте и говении. Храм был полон молящихся. Когда они выехали на станцию, народ провожал их на всём пути. Крестьяне наняли им вагон, Выгнали оттуда всех посторонних, поставили своих сторожей до самой Москвы. Осоргины переехали в подмосковное имение Самариных Измалково...»⁶⁵. В Измалкове сохранялся прежний уклад жизни до 1923 года, когда всех живших там, выселили. Осоргины сняли тогда зимнюю дачу неподалёку от Измалкова. Дочери давали уроки детям из окрестных деревень и дачных посёлков, за что получали плату овощами и молоком. В 1931г. Осоргины уехали за границу.

Об Антонине Николаевне Самариной, урождённой Трубецкой, вспоминала её дочь Мария Фёдоровна Мансурова: «... Мам`а была очень слабого здоровья и заниматься с нами много не могла. Уже тогда она была для меня вершиной красоты и совершенства: её приходы были как дань свыше, – волновали и радовали... Ма`ма получила в приданое, а, может быть, в подарок от дедушки Самарина хорошее фортепиано фирмы Блютнер... Мам`а играла больше классические вещи – сонаты Бетховена, Моцарта, Баха, прелюдии Шопена, и мы, её дети, рано начали узнавать и различать произведения этих композиторов». Вспоминала М.Ф. Мансурова и то, как, несмотря на нездоровье, её мать старалась веселить детей, устраивала ёлки, заботилась о маскарадных костюмах для детей, да и вообще о том, чтобы дети были одеты не роскошно, но изящно, добиваясь нужных линий

простеньких платиц из пике, бумазеи или фланели. В то же время она была довольно равнодушна к своим платьям»⁶⁶.

Антонина Николаевна заболела ангиной с осложнениями. Последние четыре года она болела и скончалась в 36 лет, оставив четверых детей.

Варвара Николаевна Трубецкая (1870–1933) вышла замуж за Геннадия Геннадиевича Лермонтова, имела троих детей. Во время гражданской войны вместе с женой Григория Николаевича Трубецкого спасала раненых, которых, уходя с Дона, Добровольческая армия не могла захватить, а большевики их расстреливали. Этими женщинами были спасены десятки людей⁶⁷. Александра Николаевна Трубецкая (1872–1925) вышла замуж в Париже за Михаила Фёдоровича Черткова, имела пятерых детей. Марина Николаевна (1877–1924) была замужем за князем Николаем Викторовичем Гагариным, у них было пятеро детей. Эти три дочери с семьями оказались в эмиграции⁶⁸.

7. Усадьба Ахтырка после продажи её Трубецкими

*В области разрушения
у русских
не было соперников.
Н. Врангель*

Проданная в 1879 году перекупщику Тихомирову Ахтырка вскоре была приобретена московским мировым судьёй Иваном Михайловичем Матвеевым, большим любителем изобразительного искусства и музыки. Последним владельцем усадьбы был его сын Сергей Иванович, учёный-цветовод⁶⁹.

В то время Ахтырка привлекла внимание художников Абрамцевского кружка. В 1880-е годы в Ахтырке жили Виктор и Аполлинарий Васнецовы и написали много этюдов в её окрестностях. В.М. Васнецов работал там над знаменитой «Алёнушкой». В 1891-ом в Ахтырке поселился М.В. Нестеров. Но архитектурный ансамбль усадьбы почти не привлекал внимания этих художников. Лишь на немногих этюдах есть фрагменты усадебных построек,

да на картине А.М. Васнецова «Ахтырка» виден на дальнем плане усадебный дом и церковь. Очевидно, это объясняется тем, что художники абрамцевского кружка были увлечены народным искусством и древнерусской архитектурой, а наследием эпохи классицизма не интересовались.

Отношение к классицизму в русском обществе изменилось в конце 1900-х годов. В начале XX века были сделаны фотографии и цветные слайды фирмой «Люмьер и К^о» по заказу Абрикосовых, снимавших в Ахтырке дачу. А из художников писал Ахтырку В.В. Кандинский, который несколько раз жил на даче у своих родственников Абрикосовых. Особенно интересен его этюд «Красная церковь» с резким сопоставлением звонких локальных цветов – красного и зелёного.

Ещё осенью 1921 года усадьба выглядела прекрасно. «В центре двора был устроен бассейн с фонтаном, вокруг которого и вдоль разбитых дорожек росли розы, множество левкоев, пионы, душистый горошек и другие цветы, а между ними зеленела подстриженная травка – газон»⁷⁰. Сохранились парники, цело было и протяжённое здание оранжереи.

По воспоминаниям жительницы Ахтырки В.П. Кузнецовой в оранжерее росли персики. Возле дома были яблони, сирень белая и розовая. О Матвееве сохранились у неё светлые воспоминания: «такой приятный, среднего роста, ходил с собачкой беленькой, с клюшкой, такой вежливый. Устраивал, как в прошлом Трубецкие, праздники. На престольный праздник карусели привозил, всех пряниками, мороженым угощал. В 1927 году Матвеевых выселили. Вещи их распродавали. Он потом в Москве, в Ботаническом саду работал. Умер стареньким»⁷¹.

Матвеев после революции во флигеле. В усадебном доме устроили детский дом. Это не понравилось местным жителям, и они подожгли дом. Было это в 1922 году.

Ольга Николаевна Трубецкая писала: «... никогда чувство “отчизны” так сильно во мне не говорит, когда вспоминаю Ахтырку... Перед отъездом из

России осенью 1924 году, захотелось проститься с ней. Уже тогда ходила я с трудом. Приехала в Абрамцево, где жил А.Д. Самарин; оттуда верст пять пешком до Ахтырки – дошла таки! Я знала, что дом сгорел, но неудержимо тянуло на пепелище.

Был золотой, совершенно золотой осенний день. Тишина. Небо голубое и лиловатое сквозь осеннюю дымку. Зашла я так, чтобы взглянуть на пепелище от церкви и увидела – огромный, во всю длину дома, словно могильный холм, густо поросший молодыми берёзами и снопами высокого розового Иван-чая, а над холмом – две лиственницы, стоящие перед большим балконом: одна, живая, зелёная, не тронутая огнём, а другая – совершенно обгорела, до жуткости чёрная, с корявыми ветвями, словно вывороченными в отчаянной судороге гигантскими руками.

Мне захотелось обойти дом кругом, чтобы не видеть этого дерева и увидеть над могилой не тронутую огнём мирную и светлую Ахтырскую церковь. Так и сделала и, когда подняла голову и взглянула вверх... вдруг чудо! Ну, просто чудо!.. Тёплые-тёплые крупные капли дождя, словно слёзы, закапали сверху из голубого неба и залили моё разгоревшееся лицо. Несказанное волнение и умиление охватили меня. Дождь прошумел как шёпот, вздох... и затих, как будто сочувствие, отклик, прощальная ласка любимой Ахтырки»⁷².

В 1937-ом закрыли и опечатали церковь. Арестовали последнего священника иеромонаха Азария (в миру Александра Богдановича Павлова). Обвинялся он в «активном участии в контрреволюционной монархической группе монахов и духовенства». Расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой 10 декабря 1937 года⁷³. По воспоминаниям местных жителей, вскрыли и разгромили церковь в 1941 году. Иконы жгли на костре. Из догоравшего костра дочка последнего псаломщика вытащила обгоревшую Ахтырскую икону и спрятала у себя дома.

Постепенно церковь разрушалась. Потом скульптор Тавасиев использовал здание церкви как мастерскую: изваял гигантскую конскую

статую Салавата Юлаева, сподвижника Пугачёва. Многим, посещавшим Ахтырку в 1970-е годы, запомнился этот памятник, стоявший в церкви.

В 1980-е годы Музей-заповедник Абрамцево добился решения о реставрации церкви. К этому времени утрачены были кровля и шпиль колокольни, почти вся кровля храма и главки, частично лепной декор фасадов, оконные рамы и деревянные карнизы. Реставрацию проводил Институт «Спецпроектреставрация» совместно с Музеем Абрамцево (Руководитель проекта – архитектор-реставратор Н.В. Шемшурина). Был разработан и проект восстановления усадьбы (автор проекта И.В. Круглова). Однако восстановить усадебный дом невозможно, так как на его месте в последние годы построено около десятка домов.

В 1991 году церковь была передана общине верующих. После этого были забелены остатки стенной росписи, созданной итальянскими мастерами. Потомки князей Трубецких, владевших усадьбой, настаивали на воссоздании первоначального иконостаса по рисунку А.С. Кутепова. Тот иконостас был невысокий, одноярусный, полностью гармонизировавший с интерьером церкви. Однако нынешний настоятель предпочёл многоярусный стандартный иконостас софринского производства.

Недавно настоятель обнёс территорию церкви оградой, хотя раньше церковь ограды не имела. К сожалению, территория возле церкви имеет неухоженный вид, застроена сараями и т.п. Почти ничего не осталось от парка. Плотина давно разрушена. В селе выстроено несколько кирпичных коттеджей, искаживших его облик. Всё меньше остаётся точек, с которых можно увидеть церковь, одну из красивейших в Подмосковье, памятник федерального значения.

8. Князья Трубецкие в Узком

*Ворота с полукруглой аркой.
Холмы, луга, леса, овсы.
В ограде - мрак и холод парка,
И дом невиданной красы.
Борис Пастернак*

К Юго-западу от Москвы находится усадьба Узкое, воспетая Борисом Пастернаком. В 1885 году она досталась по наследству старшему сыну князя Николая Петровича Трубецкого Петру. В отличие от Ахтырки Трубецкие получили уже сложившийся усадебный комплекс⁷⁴.

В XVII веке Узким владел боярин Максим Фёдорович Стрешнев, построивший в Узком деревянную церковь Казанской иконы Божией Матери. При его сыне Якове сгоревшая деревянная церковь заменена пятиглавой каменной в стиле нарышкинского барокко, освящённой в 1697 году. Церковь сохранилась и была несколько лет назад реставрирована.

В 1726 году Узкое в качестве приданого Софьи Ивановны Стрешневой перешло к князю Борису Васильевичу Голицыну. При Голицыных усадьба стала одной из лучших в Подмосковье. Существующий усадебный дом выстроен при сыне Б.В. Голицына Алексее. Было это ориентировочно в 1780-е годы. При Алексее Борисовиче Голицыне выстроены или реконструированы и многочисленные служебные здания: кузница, конный двор, псарня, кухонный флигель и пр., частично сохранившиеся до настоящего времени. При следующем владельце Егоре Алексеевиче сооружена большая оранжерея. При Голицыных выкопаны несколько прудов и разбит парк.

Как приданое за Марией Алексеевной Голицыной Узкое перешло графу Петру Алексеевичу Толстому, а его сын Владимир женился на графине Софье Васильевне Орловой-Денисовой. После смерти ее сестры Любви Васильевны Трубецкой (1828–1860), которая была первой женой Николая Петровича Трубецкого, она взяла на воспитание троих ее детей. Семья обычно проводила в Узком весну, осень и часть лета, а в сентябре уезжала в другое имение – Казацкое на Днепре на сбор винограда.

После смерти Софьи Васильевны Толстой в 1885 году владельцем Узкого стал её племянник Пётр Николаевич Трубецкой, женатый на княжне Александре Владимировне Оболенской (1861–1939). Он имел пятерых детей: Владимира (1885–1954), женившегося на Марии Сергеевне Лопухиной,

Николая (1896–1961), женившегося на графине Елене Константиновне Клейнмихель, Софью (1887–1979), в замужестве графиню Ламсдорф-Галаган, Любовь (1888–1980), в замужестве княгиню Оболенскую, Александру (1894–1953), в замужестве Тимашёву. Вследствие роста семьи Петру Николаевичу Трубецкому пришлось заняться перестройкой обветшавшего барского дома. Для этих работ пригласили архитектора С.К. Родионова, который осуществил реконструкцию дома, правда, не слишком удачно⁷⁵.

Вот как писала о жизни в Узком Любовь Петровна Оболенская: «Мои первые воспоминания: Жара. Июль месяц. С июня до августа всё наше семейство проводит в Узком, имении моего отца князя П.Н. Трубецкого, в 12 милях от Москвы. В Узком был большой дом, флигель и чудная церковь XVII века близко от дома, четыре больших пруда. За прудами была роща, в которой мать моя, княгиня Александра Владимировна, проделала массу дорожек с лавочками...

В большом доме было 3 террасы – одна крытая и вся обсаженная растениями и цветами из оранжерей (которых было много – 2–3 большие оранжереи только в растениях и с цветами, одна оранжерея только в персиках и одна с другими фруктами и редкими цветами, и одна исключительно с розами). С другой стороны дома была открытая терраса с колоннами, где стояли только большие лавровые деревья.

Крытая терраса: в одном углу среди растений, было устроено нечто вроде гостиной – диван, столы, кресла, лампы. Посреди террасы был наш большой столовый стол (на наше большое семейство: двое родителей, 5 нас, детей, и 4–5 гувернанток и учителей – были обыкновенно немка, француженка, англичанка, учительница музыки (фортепьяно) и два учителя для моих братьев по математике, истории, так что обеденный стол обыкновенно был на 12–14 человек).

Балкон с этой стороны дома снижался в сад по длинным деревянным ступеням, на которых по окончанию завтраков и обедов все садились.

Перед домом (с этой стороны) был крокет и недалеко за большими деревьями теннис»⁷⁶.

«... Петр Николаевич Трубецкой был большим знатоком и любителем лошадей и постоянно держал в Узком несколько пар прекрасных коней, - писал его правнук Владимир Петрович Трубецкой. – Когда он приезжал один из Москвы в Узкое, он любил пускаться с Калужского шоссе во весь дух и бешеным галопом на своих красивых лошадях подкатывал прямо к усадьбе и останавливался у самого подъезда большого дома под крики ужаса всех его обитателей...

Как мне неоднократно рассказывал отец, когда вся семья выезжала из Москвы в Узкое, прадед всегда велел останавливаться у Калужской заставы, садился на место кучера и сам вёл коляску все двенадцать вёрст до усадьбы»⁷⁷.

Характерной чертой П.Н. Трубецкого, унаследованной от отца, было то, что «он всегда был поглощён каким-нибудь одним делом, вокруг которого развивал кипучую энергию, и для этого дела шагал не только через препятствия, но и через людей, когда они попадались на дороге и мешали, – писал его брат Евгений Николаевич. – Помнится, мы встретились с ним однажды в Петрограде, не видавшись перед тем два года; я вскочил ему навстречу, а он пробежал мимо меня, кивая с любезной улыбкой, как доброму, но ненужному, а потому надоедливому знакомому, и устремился прямо, не останавливаясь, к общественному деятелю, который ему был нужен для дела, вокруг которого он хлопотал. Это было в 1906 году, и дело было общее, политическое»⁷⁸. Здесь речь идёт о том годе, когда П.Н. Трубецкой был избран от дворянских обществ в Государственный Совет. По образованию юрист (закончил юридический факультет Московского университета), на протяжении нескольких лет он был Московским уездным, а затем губернским предводителем дворянства. В 1894 году он обратился с письмом к Николаю II, в котором предупреждал императора об угрозе революции и призывал опереться на общественность в осуществлении

реформ⁷⁹. П.Н. Трубецкой заботился о просвещении народа. Сам он был попечителем начальных земских училищ, которые находились в соседних с Узким сёлах. В Узком он восстановил начальное земское училище, попечительницей которого стала княгиня А.В. Трубецкая. В 1911 году П.Н. Трубецкой трагически погиб, будучи застрелен своим племянником Владимиром Кристи, по недоразумению приревновавшим его к своей жене. После смерти Петра Николаевича владелицей усадьбы стала его вдова Александра Владимировна.

В Узком часто гостили родственники Трубецких и друзья. В летнее время жил Сергей Николаевич Трубецкой с семьёй. Известный скульптор Паоло Трубецкой (1866–1938) создал скульптурный портрет сыновей С.Н. Трубецкого Николая и Владимира. Мальчики изображены сидящими на парковой скамейке. Дети так утончённо красивы и беззащитно хрупки, что скульптурная группа воспринимается не как изображение конкретных лиц, а как обобщённый образ обречённой русской культуры. Скульптура находилась в большой гостиной в Узком. Сейчас она в Русском музее, а гипсовый этюд голов детей в Третьяковской галерее.

В июле 1900 года к С.Н. Трубецкому приехал его учитель и друг Владимир Соловьёв, выдающийся философ и поэт. Приехал больным и скончался 31 июля 1900 года. После этого С.Н. Трубецкой в Узком больше не жил⁸⁰. Встречающееся в некоторых изданиях утверждение, что В.С. Соловьёв приезжал к С.Н. Трубецкому в Ахтырку явно ошибочно⁸¹.

О том, как шла повседневная жизнь в Узком, вспоминал внук Петра Николаевича Трубецкого Петр Владимирович (1907 – 1986). «Каждую весну мы, Трубецкие, приезжали с Пречистенки, где проводили зиму, в Узкое, вначале на конях, а потом на автомобиле французской фирмы, которым отец правил сам. Когда мне исполнилось десять лет, я стал жить в большом доме. Детская находилась на втором этаже, и просторная её терраса располагалась над задним крыльцом, где мы, дети, летом в пять часов пополудни ели малиновый кисель и пили молоко.

Было множество прислуги, помню особенно садовника и его помощника, с которым я очень дружил. Главные наши летние занятия, кроме уроков, которые проводились в детской по очень строгому распорядку (мать и бабушка Трубецкая за этим очень внимательно следили) – были чтение (Жюль Верн, Майн Рид), игра на пианоле – мой отец очень хорошо играл на рояле, обладал абсолютным слухом и очень приятным голосом, – прогулки по парку.

Вечером, до обеда, как говорили у нас, мы любили всей семьёй с матерью, а иногда даже с отцом идти пешком на скотный двор, где нам давали только что надоенное свежее парное молоко.

Мы тоже очень любили собирать грибы в парке или в лесу, мои родители с соседями и с родственниками часто устраивали пикники. Мы удиили рыбу в нижнем пруду, по которому плавали чёрные лебеди, очень злые, которых я боялся. Осенью отец занимался охотой с гончими на зайцев... И ещё я прекрасно помню красивых чёрных, белоухих ужей, которых вопреки запрещениям мне очень хотелось поймать...

Каждое воскресенье мы слушали службу в нашей очень красивой XVIII века приусадебной белой церкви с цветными куполами...

Летом 1917-го года мы все жили в Узком с бабушкой Трубецкой, её многочисленными горничными и со всем семейством Тимашёвых... С начала августа жители села Узкого стали устраивать ночные дозоры. Мы купили несколько охотничьих ружей, которые могли стрелять пулями, а не только дробью, и одну винтовку «Винчестер». Но как-то в сентябре рано утром явилась делегация от местного революционного комитета, которая конфисковала всё наше оружие. Дядя Сергей Тимашёв отдал свой браунинг, но успел спрятать своё отличное английское ружьё. Говорят, когда он уехал из Узкого, то бросил его в пруд. Уже давно как реквизируют все автомобили, наши и родственников, и нам пришлось ехать в Москву на лошадях, как в старое время. За несколько дней до большевистского

переворота мы решили уехать поездом на юг, в Ессентуки и навсегда бросили Москву и Узкое»⁸².

Как вспоминал один из усадебных садовников, «перед отъездом князь собрал крестьян и сказал, чтобы они разобрали по домам скот, но барского дома не трогали, так как он им самим пригодится»⁸³. Дом сохранился, и уцелела часть предметов интерьера благодаря тому, что в усадьбе в 1922 году был создан санаторий для учёных.

16–19 августа 1996 года состоялось семейное собрание Трубецких, на которое приехали члены рода из разных стран. Жили они в санатории Узкое.

Если Трубецкие, жившие в Ахтырке, внесли большой вклад в русскую усадебную архитектуру в начале XIX века, музыкальную жизнь страны во второй половине XIX века и развитие русской философской мысли в конце XIX – начале XX века, то главной заслугой Трубецких, живших в Узком, стал их вклад в развитие сельского хозяйства России. У них было имение Казацкое на Днепре (Херсонской губернии)⁸⁴. Их предок граф Василий Васильевич Орлов-Денисов выиграл его на пари у графини Браницкой и переселил туда наиболее ленивых и строптивых своих крестьян из Рязанской губернии, из другого имения. Казацкое досталось в качестве приданого его дочери Любови Васильевны, первой жене Н.П. Трубецкого. Но она никогда не ездила в Казацкое из-за дальности расстояния. Управляли приказчики.

Наконец, в 1875 году в Казацкое поехал Пётр Николаевич Трубецкой со своим дядей В.П. Толстым. Владимир Петрович Трубецкой писал: «Став совершеннолетним, отец мой серьёзно занялся своими имениями. Он любил простор степи, воздух и пышущее плодородие тех мест; энергии и сил было в нём бесконечно много, и, уезжая из центра России от общественных дел, он отдыхал, весь отдаваясь благодати природы, прелести южного солнца, силе, сочности и богатству юга...

Он с 13 лет возил меня по степям с собой, и любовь его к хозяйству, плодородию и благодати Российских степей увлекла и меня. Меня всё

интересовало, хотелось и свою инициативу проявить в Казацком, увеличить и улучшить наше хозяйство»⁸⁵.

А улучшать было что. Потомки переселенных крестьян были так же ленивы, как и предки. Культурный и моральный уровень их был низок. Выкупить, хотя бы и за гроши, полные земельные наделы после реформы 1861 года они не захотели. Без конца приходили просить на барский двор то сена, то соломы, то зерна, то леса, конечно, даром. Крестьянский банк предлагал ссуду в размере 90% стоимости очень дешёвого участка казённой земли недалеко от Казацкого. Но крестьяне покупать землю не хотели. Не хотели они и вводить новшества на арендованной у Трубецких земле.

Между тем Трубецкие предприняли ряд мер с целью интенсификации хозяйства. По совету агрономов ввели шестипольный севооборот, изменили сроки сева, приобрели современный сельскохозяйственный инвентарь, купили в Германии прекрасного жеребца-производителя, улучшили скот, приобретя красных калмыцких быков, а выбитые овцами целинные земли превратили в луга, дававшие превосходное сено. Проконсультировавшись с князем Львом Голицыным, известным виноделом, Трубецкие создали большой виноградник, посадив сорта рислинг и каберне. До миллиона виноградных чубуков в год раздавали через земство крестьянам.

И стало ясно, что нет смысла сдавать землю в аренду крестьянам, если те не изменят способов обработки земли. Трубецкие предложили сдавать землю в аренду только при условии шестипольного севооборота. При этом предложили за минимальную плату, но за плату, чтобы приучить людей, что даром ничего не даётся, поменять крестьянам их плохие и сорные семена на хорошие. Вопрос о новом порядке сдачи земли в аренду Трубецкие поставили жёстко. Если кто-то не выполнит условий, на следующий год земли не получит.

Большинство крестьян согласилось. За короткий срок урожай зерна возрос с 25–30 пудов почти до 200 с десятины. Доходность имения

увеличилась вдвое. Во время Первой мировой войны Казацкое давало в армию уже не 100 тысяч пудов, как прежде, а 800 тысяч.

П.Н. Трубецкой передал любовь к земле и полевым работам и сыну, и внуку. Владимир Петрович Трубецкой (1885–1954) окончил юридический факультет Петербургского университета и два года служил в Лейб-гвардии Казачьем полку. После смерти отца, в 1912 году вышел в отставку, чтобы заняться управлением своими имениями. Он и продолжил работу в Казацком, которая дала такие блестящие результаты. Агрономическое образование в эмиграции получил его сын Петр (1907–1986).

9. Трубецкие в изгнании

*Чем глубже чувствуем мы,
родители, то счастье, которого мы
не замечали, пока им обладали, - счастье
иметь Россию, тем острее ощущаем
мы тот ужас, что этой живой,
реальной России у наших детей нет!*

Сергей Евгеньевич Трубецкой

В эмиграции оказалась большая часть потомков Н.П. Трубецкого: его сын Григорий с семьёй, семья его сына Евгения, Ольга Николаевна Трубецкая (с 1924 года), семьи его дочерей – Осоргины, Лермонтовы, Чертковы, князя Гагарины, а также дети Сергея Николаевича Трубецкого – Николай Сергеевич и Мария Сергеевна Бутенева с мужем. Уехали из России и многие потомки Н.П. Трубецкого от первого брака: Софья Николаевна Глебова, внук Владимир Петрович Трубецкой с семьёй. Многие попали за границу без средств и вначале испытывали большие трудности, некоторые работали во Франции шоферами, как и члены других знатных семейств.

Григорий Николаевич Трубецкой приобрёл под Парижем в Кламаре усадьбу и дал приют в ней большому числу родственников. Там же он построил православную церковь. Григория Николаевича религиозный философ Г. Федотов назвал «Патриархом православного Парижа». Г.Н.

Трубецкой помог основать в Париже Богословский институт в Сергиевском подворье. Принимал активное участие в борьбе против раскола между Патриархатом и Церковью в эмиграции, советуя епископам помириться. Примирение не состоялось, что и стало одной из причин его инфаркта. Как и его брат, Сергей Николаевич, он стал жертвой междоусобицы, которую всю жизнь старался прекратить⁸⁶.

Его сын Сергей Григорьевич (род. в 1906) получил агрономическое образование. Работал в одной из американских фирм, управляя в Канаде её отделением по продаже сельскохозяйственных машин. Во время Второй мировой войны работал в разных американских учреждениях, а затем в посольстве США в Лондоне, занимаясь программой снабжения Европы продовольствием и восстановления её сельского хозяйства.

Следуя примеру отца, он основал православную церковь в своём имении Лабель в Квебеке. В течение 10 лет был главным архивариусом Православной Церкви Америки. Он создал этот архив, включающий документы не только Православной Церкви в Америке, но и всего русского присутствия на этом континенте⁸⁷. Не по своей воле покинул родину Сергей Евгеньевич Трубецкой (1810–1949), старший сын Е.Н. Трубецкого. Он закончил философское отделение историко-филологического факультета Московского университета. С начала Первой мировой войны, не взятый в армию по состоянию здоровья, служил на санитарном поезде, а затем, вплоть до весны 1917-го, в Контрольном комитете Всероссийского Земского Союза на Северо-Западном и Северном фронтах. В январе 1920 года был арестован ЧК, заключен в тюрьму и приговорён к расстрелу, который заменили 10 годами заключения. А осенью 1922-го С.Е. Трубецкой был выслан из СССР в Германию на знаменитом «философском» пароходе в числе более чем 100 русских интеллигентов и общественных деятелей. Он работал в Русском Обще-Воинском союзе, был сотрудником генерала Кутепова, а затем генерала Миллера. С конца 1930-х годов занимался переводами и публицистикой. Им написаны замечательные воспоминания, в которых он

воссоздал историческую картину эпохи, показал жизнь семьи Трубецких, где выше всего ценились честь и достоинство. «Из разговоров между взрослыми, - писал он, – я рано усвоил, что мы должны быть “культурными людьми”... Я всегда слышал, что все должны как-то служить России»... Пережитые испытания не уничтожили любви к родине: «Будет ли наш прах покоиться в родной земле или на чужбине, – я не знаю, – писал он, – но пусть помнят наши дети, что где бы ни были наши могилы, это будут русские могилы, и они будут призывать их к любви и верности России»⁸⁸.

Владимир Петрович Трубецкой во время Первой мировой войны занимался эвакуацией и распределением раненых по Московской губернии. После трёх лет скитаний во время гражданской войны приехал во Францию. Его дом стал одним из центров, объединявших русскую эмиграцию. Он развил широкую общественную и благотворительную деятельность, направленную на помощь русским в изгнании. Был одним из основателей в Париже Русского Дворянского собрания и долгие годы его председателем. Он также деятельно занимался Музеем казаков гвардии и Русской консерваторией в Париже⁸⁹.

Знаменитостью стал Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938), внук Н.П. Трубецкого. С самого раннего возраста он интересовался этнологией и лингвистикой. Первые научные работы опубликовал в 15 лет. В центре его интересов с этого времени были финно-угорские, кавказские языки, языки сибирских народов и общая лингвистика. Он закончил отделение лингвистики Московского университета. Защитил докторскую диссертацию и с 1915 года преподавал в Московском университете сравнительное языкознание. После долгих странствований во время гражданской войны Н.С. Трубецкой оказался в Софии, где преподавал в университете, потом переехал в Югославию и, наконец, в 1922 году получил должность заведующего кафедрой славянской филологии в Венском университете. Был тесно связан с этого времени с Лингвистическим Центром в Праге, руководителем которого был его друг Роман Якобсон. Н.С. Трубецкой стал

основателем новой науки о языке – фонологии и получил мировую известность. В 1935 году он опубликовал статью, направленную против расистских, а в особенности антисемитских теорий. Когда в 1938 году в Австрии пришли к власти фашисты, из-за непримиримой позиции Н.С. Трубецкого, его изгнали из университета, допрашивали в гестапо, конфисковали архив. И 25 июня 1938 года он скончался от сердечного приступа⁹⁰.

В 1931 году уехала из России семья Елизаветы Николаевны Осоргиной – 13 человек. Возможность отъезда появилась после расстрела в Соловецком лагере её сына Георгия Михайловича – в то время можно было уехать по приглашению родных, если в семье не было мужчин от 16 до 50 лет⁹¹. В Париже вскоре стало широко известно имя одной из дочерей Е.Н. Осоргиной – Антонины Михайловны. Она основала во Франции знаменитую “четверговую” школу, через которую прошли поколения русской эмиграции. А.М. Осоргина лично готовила студентов на получение степени кандидата и звания преподавателя. Многие из учеников этой школы работают в настоящее время переводчиками в международных организациях и в совершенстве знают русский язык. Главным для Антонины Михайловны «было стремление привить растущим новым поколениям нерасторжимо связанную с русским языком и русской молитвой красоту: не находим ли мы здесь вместе с той горячностью, которую внесла в это наследие семья Осоргиных, – музыку и мысль Ахтырки?», – писал Владимир Петрович Трубецкой⁹².

В 1970 году А.М. Осоргина стала монахиней в православном Покровском монастыре в Бюси Ан Оуф под именем матери Серафимы. По её приглашению приехал в монастырь знаменитый писатель И.С. Шмелёв. В этом монастыре он и скончался.

Сестра А.М. Осоргиной Мария Михайловна с ранних лет увлекалась рисованием, сделала много портретов родных и близких, рисовала пейзажи, интерьеры, делала силуэтные работы. За границей помогала русским

эмигрантам, навещала одиноких, больных. Во время Второй мировой войны работала в госпитале. После войны переехала в Женеву, служила в русском отделе ООН.

В 2002 году состоялась выставка её графических работ в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике⁹³.

Трубецкие, оказавшиеся за границей, не сразу нашли своё место в новой жизни. «... Жизнь у нас трудная в смысле заработка, – писал В.П. Трубецкой Ольге Николаевне Трубецкой 19 августа 1922 года из Франции, – не хватает или скорее только, только сводим концы с концами. Но хорошо, что живём морально спокойно и то ещё Божья милость, что все вместе и все живы»⁹⁴. Несмотря на трудности, многие из них в 1920-е годы посылали деньги и посылки оставшейся в России семье Владимира Сергеевича Трубецкого⁹⁵.

В 1986 году по инициативе Сергея Григорьевича Трубецкого и его сына Алексея (родился в 1934) потомки князя Николая Петровича Трубецкого, живущие в Европе, Северной и Южной Америке, Африке и Азии, съехались в США на первое семейное собрание. Трубецкие, живущие в нашей стране, в той встрече не участвовали. А в августе 1996-го состоялось второе семейное собрание Трубецких, на этот раз в России. Съехалось около 160 человек – учёные, инженеры, лица духовного звания и работники религиозных учреждений, врачи, студенты, бизнесмены. Жили они в Узком, посетили Троице-Сергиеву лавру, выставку «Князья Трубецкие в нашем крае» в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике. Побывали в Ахтырке, где их встречали колокольным звоном. В Ахтырской церкви был отслужен молебен. Встретить Трубецких собралось население Ахтырки. Звучали возгласы: «Приезжайте ещё!» Трубецкие посетили также могилу Николая Петровича Трубецкого в Донском монастыре.

Следующая их встреча намечена на 2006 год.

10. Оставшиеся в России

Наступило царство антиэлиты.

С.А. Сапожников

С фамилией Трубецких в России после революции осталась семья только одного внука Н.П. Трубецкого – Владимира Сергеевича (1892 – 1937), женатого на княжне Елизавете Владимировне Голицыной (1889–1943).

С детства Владимир Трубецкой восхищал всех родных красотой и живостью. И тогда же у него появился интерес к музыке. И еще во время русско-японской войны – к игре в солдатики. С юности его влекло море. Он поступил юнгой на миноносец. Но влюбился... Влюбился так, что, как вспоминал впоследствии, «каждая более или менее продолжительная разлука с ней переживалась бесконечно тягостно»⁹⁶. Надо было решиться: или море, или любимая. Он отказался от моря, поступил, выдержав труднейшие экзамены, в гвардейский полк Синих кирасир. Первый офицерский чин корнета В.С. Трубецкой получил в 1912 году. Когда началась Первая мировая война, Трубецкой отличился уже в одном из первых сражений, и его наградили орденом Святой Анны 4-ой степени.

С детства В.С. Трубецкой был очень впечатлителен. Скоро он почувствовал, что не принимает войну. Увидев, как на его глазах солдат добил штыком молоденького раненого немецкого офицера, испытал шок, заболел нервно и был отправлен в отпуск. Лечился дома, в Москве. Возвращаться в армию не хотелось, но в 1915-м он был назначен в штаб Галицийского фронта, а позже – командиром первого в России отдельного автомобильного соединения.

1917 год застал Трубецкого в Москве. В дни октябрьских боёв, когда нельзя было выйти на улицу, умерла от скарлатины без врачебной помощи его первая дочь Татьяна.

В 1918-ом, во время голода многие уезжали в провинцию, где легче было прокормиться. Трубецких пригласила их родственница графиня В.В.

Бобринская в своё имение – город Богородицк Тульской губернии. Там собралось более 20 человек – членов родственных семей. Несмотря на трудную жизнь, все увлекались театром, ставили спектакли, устраивали концерты. В.С. Трубецкой проявил при этом и музыкальный, и литературный талант.

Ещё одним его увлечением стала охота. Охотничьи истории и стали впоследствии сюжетами его юмористических рассказов. Началось с того, что он подстрелил галку, не обычную, а жёлтую. Такое явление в природе встречается очень редко. Трубецкой узнал, что такая птица – весьма ценный трофей, и повёз галку в Москву, рассчитывая продать её в Зоологический музей. Зашёл к родственникам, положил вещи в прихожей и стал рассказывать о своей удаче. А в это время кошка съела галку. Но Владимир Сергеевич не очень расстроился: не удалось получить денег за галку, можно попробовать получить их за рассказ об этом случае. «Миллиард за галку» – назвал он свой первый рассказ. В журнале «Всемирный следопыт» его напечатали под названием «Драгоценная галка» – упоминать астрономические цены, которые были тогда в стране, не разрешалось.

Один за другим появлялись во «Всемирном следопыте» рассказы Трубецкого под псевдонимом В. Ветов. А иллюстрировал их его родственник В.М. Голицын, изображая карикатурно и самого автора, фигурировавшего в рассказах под именем Хвоща – на его длинных ногах были обтрёпанные, мохнатые обмотки, делавшие их похожими на стебли этого растения⁹⁷.

Писал свои остроумные рассказы В.С. Трубецкой, живя уже в Сергиевом Посаде (Сергиеве). Указ о выселении помещиков из усадеб вышел в январе 1924 года. Но большинству пришлось выехать раньше. Трубецкие покинули сначала усадьбу Бобринских, переселившись в город Богородицк. А осенью 1923 го переехали в Сергиев. В.С. Трубецкой использовал здесь для заработка свои музыкальные способности: работал в кинотеатре тапером, в ресторанном оркестре и на похоронах. Он хорошо играл на пианино, виолончели и других инструментах.

Скоро Трубецкие, как и другие, так называемые «бывшие», были объявлены лишенцами, то есть лицами, лишёнными избирательных прав. Сначала это не очень беспокоило – всё равно выборы были пустой формальностью. Но кончился НЭП, началась коллективизация, за ней голод. Ввели карточки на продукты. Лишенцам карточек не полагалось. Без карточек продукты можно было купить только в торгсине – за валюту или за золото. Родственники Трубецких, оказавшиеся за границей, присылали немного денег. Но семья всё увеличивалась (у Трубецких было восемь детей). В конце 1929-го Трубецкой потерял литературный заработок. Максим Горький был противником приключенческой литературы, и «Всемирный следопыт» закрыли. Трубецким пришлось покинуть квартиру на Огородной улице – дом у хозяина отобрали. Поселились они на Нижнёвке – в девяти комнатах в одной комнате. От сырости на стенах всегда были капельки воды.

«... очень жалкое положение Трубецких, очень уж у них не хватает жалования Владимира, – писала одна из родственниц в письме, – я приехала как раз, когда у них не было дров, почти не было картофеля, а уж о жирах и не говори. Был пустой суп – вода с картофелем, и на второе – картофель с солью... У детей валенки развалились и нельзя отдать их починить, и дети мёрзнут. Особенно страдает Варя, у которой обмороженные ноги и ужасно распухают и болят от холода...»⁹⁸.

Одноклассница дочери В.С. Трубецкого Александры вспоминала: «В шестом классе у Шуры ботинки совсем развалились. Левый был привязан обыкновенным шпагатом. А я была членом учкома. И добилась, чтобы ей оказали помощь – ботинки купили. Сказала: “Я не знаю, кто такие князья. Знаю, что человек ходит с привязанным ботинком”»⁹⁹.

Андрей Владимирович Трубецкой вспоминал: «... однажды отец пришёл домой нагруженный кулками с крупой, мукой, какими-то жирами. На вопрос матери: “Откуда?” – он молча показал кисть правой руки уже без обручального кольца»¹⁰⁰. Беззаботный, даже порой легкомысленный, он в тридцатые годы, по воспоминаниям сына, выглядел преимущественно

суровым и озабоченным житейскими нуждами. Да ещё тяжело болел старший сын Григорий – задыхался от бронхиальной астмы. Трубецкой просил разрешить ему отвезти сына за границу на лечение. И в 1929 году ему это разрешили. Но Григорий скучал по дому, просился обратно. И Трубецкой съездил за ним с разрешения властей.

Видимо, эти поездки оказались для него роковыми. Он встречался со своими родными, находившимися за границей – в частности, с братом Николаем Сергеевичем, известным лингвистом, профессором Венского университета. Как обнаружилось в 1990-е годы, дело В.С. Трубецкого было передано в отдел оперучёта КГБ о связях с зарубежными разведками. В конце 1933-го были проведены аресты нескольких крупных лингвистов (славистов) в нашей стране, в том числе Н.Н. Дурново и его сына Андрея. При обыске у них изъяли три книги Н.С. Трубецкого, привезённые Н.Н. Дурново из-за границы в 1927 году, и записную книжку А.Н. Дурново с выписками из сочинений Н.С. Трубецкого. А старшая дочь В.С. Трубецкого Варвара была невестой Андрея Дурново. Арестовали её, а через несколько дней и её отца. И к марту 1934 го дело было сфабриковано. В обвинительном заключении сказано, что «существовала разветвлённая контрреволюционная национал-фашистская организация “Российская национальная партия”, ставившая своей целью свержение Советской власти и установление в стране фашистской диктатуры... Контрреволюционная организация “НРП” была создана по прямым указаниям заграничного русского фашистского центра, возглавляемого князем Н.С. Трубецким, Якобсоном, Богатырёвым и др.» Сказано в обвинении было также, что «систематическая связь членов организации с этими учреждениями осуществлялась путём вызовов членов организации за кордон (Державин, Дурново Н.Н., Трубецкой В.С. и др.)».

По приговору суда В.С. Трубецкой был сослан на 5 лет в город Андижан Узбекской ССР, его дочь Варвара Владимировна туда же на 3 года («по молодости лет» срок заменили на 2 года, но ей об этом не сказали)¹⁰¹. Жена

В.С. Трубецкого с остальными детьми последовала за мужем. Там, в ссылке, в 1934 году родился их последний сын Георгий.

В Андижане В.С. Трубецкой принялся за мемуары. Но успел описать только гвардейский период своей жизни. Рукопись сохранилась чудом: когда в 1937-ом пришли с обыском, один из сыновей успел её спрятать. Опубликована она впервые в 1991 году под названием «Записки кирасира». А автора увели навсегда: «10 лет без права переписки». В справке, которая была получена сыновьями только в 1990-ом, в графе «Причина смерти» указано – «Расстрел».

Арестовали тогда же и троих старших детей В.С. Трубецкого. Варвару Владимировну (1917–1937) расстреляли в один день с отцом. Григорий Владимирович (1915–1975) и Александра Владимировна (1918–1943) получили по 10 лет лагерей. Григорий Трубецкой полностью отбыл свой срок, работал в лагере киномехаником. Александра была активирована как безнадёжный инвалид и вскоре скончалась в Соликамске от болезни сердца.

Её школьная подруга вспоминала: «Знаете, к ней даже блатные мальчишки относились с нежным чувством. Она действовала облагораживающе. Была в ней какая-то кристальная чистота. И даже обормоты на неё смотрели, как на что-то святое... Седьмой класс Шура успела закончить. А в восьмой её там (в Андижане – Т.С.) не приняли. Она писала мне. Только её письма сохранила...»¹⁰².

Елизавета Владимировна Трубецкая осталась с пятерыми младшими детьми и вскоре покинула Андижан, переселившись в деревню под Талдомом Московской области. Была она дочерью князя Владимира Михайловича Голицына, Московского городского головы. Много сил отдавала детям. Её сын Андрей Владимирович, вспоминая о жизни в Сергиевом Посаде, писал: «Естественно, что мать занималась и нашим религиозным воспитанием, читала нам священное писание, а на ночь мы вместе с ней вслух молились. Дома отмечались все церковные праздники,

особенно Пасха и Рождество... Надо сказать, что наша мать много времени проводила в церкви у свечного ящика»¹⁰³.

В начале 1930-х годов, когда жизнь стала совсем скудной, Е.В. Трубецкой пришлось подрабатывать. Она знала французский, английский и итальянский и стала заниматься переводами статей из технических журналов, что давалось ей нелегко. Другой заработок дал ей базарный фокусник. Она писала записочки невидимыми чернилами, а он опускал записку в пустую бутылку, надпись проявлялась, и изумлённый клиент получал предсказание судьбы. Так было в Загорске (Сергиевом Посаде). А под Талдомом она подрабатывала, печатая на машинке – родственники помогли купить машинку. Однако заработать удавалось немного. Жили плохо. Младший ребёнок – Георгий – был такой худенький, прозрачный как стекло, что брат дал ему прозвище «стеклярус».

Но ещё хуже стало, когда началась война. «Ели лебеду, мороженую картошку, дохлую конину, – вспоминал Георгий Трубецкой. – Спать было невозможно из-за вшей». Е.В. Трубецкая ходила по деревням, просила милостыню. Давали картошку, морковку, иногда кусок хлеба. К Трубецким подселили одну эвакуированную, жуткую пьяницу. Та как-то узнала об их происхождении, стала шантажировать, требовать денег на водку. И донесла-таки на «недобитую княгиню»¹⁰⁴. За Елизаветой Владимировной пришли. «Успела она меня только перекрестить, – вспоминает Георгий Владимирович Трубецкой, – сказала бабке, как найти Ирину (младшую дочь Е.В. Трубецкой – Т.С.), и остался я один с высокой температурой, потому что вши сделали своё чёрное дело. Начался сыпной тиф»¹⁰⁵.

Е.В. Трубецкая умерла в Бутырской тюрьме через месяц с небольшим – в феврале 1943 года. А Ирина успела приехать в Талдом и отвезти маленького Георгия на саночках в больницу. Потом его взяли родственники – Веселовские Всеволод Степанович и Мария Михайловна, урожденная княжна Голицына.

Трое сыновей Трубецких воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Андрей Владимирович (1920–2002) оказался в боях с первого дня войны – он был призван в армию ещё в 1939-ом. Вскоре его тяжело ранило под Гдовом, и он попал в плен. Оказался в Вильнюсе, в госпитале для военнопленных. Из-за «громкой» фамилии о нём узнал его родственник, находившийся в Литве, и получил разрешение взять его из госпиталя, как прямого потомка Великого князя Литовского Гедимина (в XXI колене). Имя Гедимина носила тогда главная улица Вильнюса.

А.В. Трубецкой подлечился и окреп. Мог свободно передвигаться в немецком тылу. Побывал даже у родственников в Вене. Но мечтал вернуться. Наконец, с несколькими товарищами он сумел попасть в польский партизанский отряд, действовавший в лесах неподалёку от Кенигсберга, потом перешёл в советский партизанский отряд, а затем соединился с регулярными частями Советской Армии. Был ранен в боях под Кенигсбергом и награждён орденом Славы 3-ей степени. Он встретил день Победы на подступах к городу Цитгау в Германии, демобилизовался в 1946-ом и восстановился в Московском университете, куда поступил первый раз ещё до войны.

Но в 1949 году А.В. Трубецкого арестовали, так как он отказался сотрудничать с МГБ. Его приговорили к 10 годам лагерей и отправили под Джезказган. Там он снова отказался сотрудничать с «органами» и много времени провёл поэтому в штрафной, так называемой режимной, бригаде. Часть времени работал в лагерном медпункте. Был реабилитирован в 1955-ом и снова, в третий раз, поступил в МГУ¹⁰⁶. Закончил биологический факультет, защитил кандидатскую, затем докторскую диссертацию. Работал во Всесоюзном кардиологическом центре Академии наук СССР.

Его брату Владимиру (1924–1992) было к началу войны 17 лет. Успел закончить 8 классов. Семья голодала. Он устроился сначала возить почту. Потом перешёл на другую работу – возить хлеб. Когда буханки перебрасывали, отваливались крошки корок. Он собирал их и относил домой.

В 18 лет пошёл в военкомат записываться добровольцем. Сверстников взяли, его – нет, из-за происхождения. Но потом все-таки мобилизовали и послали ремонтировать танки. Общежитие, голод, вши...

В действующую армию попал в начале 1943-го. Участвовал в битве на Курской дуге. Был сапёром, потом разведчиком в разведывательной роте танкового полка. С боями дошёл до Одера. При переправе его ранило в ногу. Вывалился из лодки, поплыл к берегу. А на том берегу ещё были немцы. Сутки пролежал в ледяной каше у берега. Потом его подобрали и отправили в госпиталь. Но, простудившись в ледяной воде, он заболел воспалением лёгких. Нogu запустили, пришлось ампутировать. Подлечили его в Самаркандском госпитале. Вернулся в звании старшего сержанта, с орденом Красной Звезды и медалями. Поступил на исторический факультет МГУ. Работал в Институте востоковедения АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию¹⁰⁷.

Сергей Владимирович Трубецкой (1926–2005) был призван в армию в 1944-ом, восемнадцати лет, в бронетанковые войска. Участвовал в битве на Сандомирском плацдарме. Его танк был подбит, он был ранен. После госпиталя получил инвалидность. Награждён орденом Красной Звезды. Работал в Москве настройщиком роялей, так как имел абсолютный слух.

Младшая дочь В.С. Трубецкого Ирина (1922–2005) работала в сельсовете под Талдомом секретарём, но после ареста матери её уволили. Она в 17 лет осталась круглой сиротой. Устроилась работать в почтовом вагоне, ездила по стране. Потом вышла замуж и работала машинисткой. А в последние годы возглавляла департамент благотворительности Российского Дворянского собрания.

Георгий Владимирович Трубецкой (родился в 1934) стал зоотехником-звероводом. Он кандидат биологических наук, работает в Раменском, в НИИ пушного звероводства и кролиководства.

На примере Трубецких мы видим, что «длительный естественный и искусственный отбор фамилий, надлежащее воспитание, высокий

интеллектуальный потенциал семьи и окружения на протяжении многих поколений безусловно повышают вероятность проявления творческих способностей у человека»¹⁰⁸. Даже самые неблагоприятные условия не могли помешать Трубецким достичь успеха в жизни.

Из потомков князя Николая Петровича Трубецкого в России осталось также несколько человек, носивших другие фамилии. Старшая его дочь (от первого брака) Софья была замужем за В.П. Глебовым. Сама она скончалась в Париже, но её внуки Глебовы Владимир Петрович и Пётр Петрович жили в СССР. Первый был известным художником-пейзажистом, второй – актёром, прославившимся исполнением роли Григория Мелихова в фильме «Тихий Дон». А дочь Софьи Николаевны Софья Владимировна, родившаяся в Узком, вышла замуж за графа Ю.А. Олсуфьева. В 1920-е годы она с мужем жила в Сергиевом Посаде, в купленном ими доме на Вальной улице. Погибла в Свияжском концлагере в 1943 году.

Остались в России дочери рано умершей Антонины Николаевны Трубецкой, в замужестве Самариной. Одна из них – Мария Фёдоровна Мансурова, другая графиня Варвара Фёдоровна Комаровская также жили в 1920-е годы в доме Олсуфьевых в Сергиевом Посаде¹⁰⁹.

11. И вновь Трубецкие в Сергиево-Посадском крае

*Любовь к родному пепелищу,
любовь к отеческим гробам.
А.С. Пушкин*

В 1978 году Андрей Владимирович Трубецкой с женой Еленой Владимировной, урождённой княжной Голицыной, купили в селе Озерецком Сергиево-Посадского района крестьянскую избу. Сначала жили в ней только летом, а потом стали оставаться и на зиму. Выбор места неслучаен. Е.В. Трубецкой хотелось поселиться поближе к Дмитрову, где прошли годы её юности. Семья Голицыных была выселена из Москвы в 1929 году, так как её члены были объявлены лишенцами, то есть лицами, лишенными

избирательных прав. Голицыны жили в Дмитрове в 1930–1953 годах. А Озерецкое находится на шоссе, соединяющем Дмитров и Хотьково, примерно на середине пути.

По профессии Е.В. Трубецкая архитектор-реставратор. Занималась в основном исследованием и реставрацией старинных московских церквей и палат. Ещё студенткой, в 1948-ом, она вышла замуж за А.В. Трубецкого. А через год его арестовали. В 1951 году Елена Владимировна совершила поступок очень опасный по тем временам: приехала в Джезказганский меднорудный лагерь, где находился муж. Свиданий не давали. Удалось увидеть его только через колючую проволоку. Она вспоминает: «... подсознательно боялась увидеть Андрея сломленным, хотя знала, что этого не может случиться. Знала, что не может сломиться его сильный дух, с честью прошедший огонь и воду. Так же ли, высоко подняв голову и смело глядя вперед через все испытания, проходит он последнее – медные трубы?»

И увидела в колонне заключённых: «Вот он близко, левофланговый, в синих брюках. Очки от пыли сдвинуты на лоб. Загорелый, стройный, будто ничего и не было, будто случайно он попал в эту сгорбленную серую колонну заключённых, медленнодвигающихся с руками назад»¹¹⁰. Этот приезд жены к заключённому был событием из ряда вон выходящим. Когда на другой день она подошла к зоне, надеясь ещё раз увидеть мужа, многие заключённые, увидев ее, сняли шапки и поклонились ей.

Сейчас Е.В. Трубецкая является членом авторского коллектива, работающего над книгами «Архитектурные памятники Москвы XVII века», которые издаются с 1982 года, работает над любимой темой «Бесстолпные храмы Москвы XVII века». Недавно ей пришлось также подготовить материалы к эскизному проекту восстановления Успенской церкви в голицынской усадьбе Петрово-Дальнее.

В Озерецком находится Никольская церковь, построенная в 1811 году в стиле ампир. Её в полуразрушенном состоянии в 1993 году передали верующим. И проектом реставрации занялась Е.В. Трубецкая. Она провела

натурные изыскания, исследовала церковное здание, частично сделала обмеры, изучила фотографии разного времени. И сделала эскизный проект реставрации¹¹¹. Трубецкие принимали посильное участие в реставрационных работах, включая использование средств, полученных от продажи книги А.В. Трубецкого «Пути неисповедимы». Е.В. Трубецкая боролась за точное исполнение проекта, наблюдая за работами по восстановлению завершения храма.

Летом 2000 года был крещён в Озерецкой церкви младенец Даниил Николаевич Трубецкой, ставший первым из Трубецких, окрещенных в этой церкви после её освящения в 1993 году. В 2001-ом там же был крещен младенец Александр Владимирович Трубецкой (а также его мать Гульжан, получившая в крещении имя Иоанна). В 2003 году в той же церкви были крещены близнецы Алексей и Никита Петровичи Трубецкие, а в 2005-ом – младенец Александра Петровна Трубецкая. Они относятся к XXIII колону Трубецких от Великого князя Литовского Гедимина.

А.В. Трубецкой занимался составлением книги «Князья Трубецкие. Россия воспрянет!», в которую вошли мемуары нескольких Трубецких. Написал он и собственные мемуары. Вторая их часть (1939–1956) вышла в 1997 году. («Пути неисповедимы»). Презентации этих книг в библиотеках в Хотькове и Сергиевом Посаде вызвали огромный интерес читателей. Было очевидно искреннее расположение жителей к Трубецким. Чувствовалось, что соприкосновение с высококультурными представителями этого древнего рода возвышает души людей, пришедших на встречи с ними.

А отрывки из воспоминаний А.В. Трубецкого о детских годах, прошедших в Сергиевом Посаде, опубликованы в сборнике «Братина».

А.В. Трубецкой изучал в Военно-историческом архиве материалы о своём отце Владимире Сергеевиче и дневники своего деда Владимира Михайловича Голицына, хранящиеся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Он выступал с докладами на Голицынских чтениях в Музее-заповеднике А.С. Пушкина в Больших Вяземах.

Трубецкие успешно вели на своём участке сельское хозяйство, выращивали овощи, ягоды, яблоки. В этих работах им помогали сыновья: Пётр (род. в 1957), Михаил (род. в 1959), Николай (род. в 1961), Владимир (род. в 1964), гостили внуки (у А.В. и Е.В. Трубецких в 2005 году уже одиннадцать внуков).

Не забывали Трубецкие и Ахтырку. В престольный праздник 15 июля они неизменно приезжали. Андрей Владимирович всегда нёс во время крестного хода Ахтырскую икону Божией Матери.

Философ Н.А. Бердяев сказал в 1929 году по поводу кончины Григория Николаевича Трубецкого: «После таких катастроф поколение детей может уже потерять то высокое благородство породы и культуры отцов. Но память о таком благородном типе, выработанном длительным культурным процессом, должна всегда сохраняться. Память сама всегда есть признак благородства, забвение же – признак неблагородства».

12. XX век. Село Ахтырка и его жители

*Мы ходили в школу, в Жучки,
по плотине через Ворю,
а мальчишки бросали в нас
лягушками.
Т.Н. Манушина*

В XX веке с Ахтыркой связано имя заслуженного работника культуры Татьяны Николаевны Манушиной, родившейся в этом селе 3 декабря 1937 года¹¹². В то время Ахтырка была довольно большим селом. Уже к 1924 году в ней было 78 дворов, 330 жителей, что вдвое больше, чем в 1852-ом, когда в селе было 156 жителей. Основным занятием были сельское хозяйство и ремесло. Близость к железной дороге давала возможность сбыта молока в Москву. Потому крестьяне с начала века стали переходить к многополью с посевами трав¹¹³.

В Ахтырке и других деревнях в окрестностях усадьбы С.И. Мамонтова Абрамцево было распространено изготовление резных художественных изделий, потому что ещё в начале 1880-х годов в Абрамцеве жена владельца усадьбы Елизавета Григорьевна Мамонтова вместе с художницей Еленой Дмитриевной Поленовой открыла столярную мастерскую, где обучали крестьянских детей. Большое влияние на работу местных резчиков оказали работы одного из учеников – Василия Петровича Ворноскова (1871–1940) из деревни Кудрино, создавшего своеобразный стиль резьбы, названный кудринским. Особенностью этого стиля является плоский рельеф, почти лишённый фона. Элементы растительного орнамента плотно прилегают друг к другу, края их мягко заовалены. Плоскую поверхность полируют¹¹⁴.

В конце XIX века В.П. Ворносков открыл в Кудрине мастерскую, где работали и резчики из Ахтырки. В 1921-ом в Кудрине образовалась небольшая артель, а в Ахтырке артель резчиков была создана в 1932 году. В 1936-м артели нескольких деревень образовали Ахтырскую объединённую артель¹¹⁵. Выпускали шкатулки, шкафчики-аптечки, декоративные тарелки, лоточки, и пр., а после войны – детские стульчики. В этой артели работали и мать Т.Н. Манушиной, и отец, и дед.

Т.Н. Манушина училась в школе сначала в соседской деревне Жучки, где было 4 класса, а потом в Хотьковской школе, километрах в пяти от Ахтырки. В 1960 году закончила исторический факультет МГУ и с тех пор работает в Сергиево-Посадском (Загорском) историко-художественном музее-заповеднике, в основном в должности заместителя директора по научной работе. Основные её труды: книга «Художественное шитьё Древней Руси в собрании Загорского музея», «Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV – XVII веков» (в соавторстве с В.И. Балдиным), а также издание «Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря» (с Е.Н. Клитиной и Т.В. Николаевой).

Примечания

-
- ¹ *Ганешин Д.С.* Ахтырка. Записки краеведа // Панорама искусств. 1981. №4. С. 384–418.
- ² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI века. М., 1952. Т.1. С.168.
- (“Се яз, Нерон, поселской Троице-Сергиева монастыря купил есми у Марьи у Семеновоы жены ... пустоши ... Дуткино, Кудрино, Строиво..., да и с ыними пустошами, што х тем пустошам потягло, а с лесом и с пожнями, и куды коса ходила, куды топор ходил, куды соха ходила, в дом живоначальные Троице в Сергиев монастырь. А купил есми те пустоши по то место, как было за её мужем за Семёном и за её детьми. А дал есми на них десять рублей да пополнка овцу”).
- ³ *Ганешин Д.С.* Ахтырка... С. 387–388.
- ⁴ Чтения ОИДР. 1914. Кн. IV, вып. 2. С. 696, 700. Сведения найдены Д.С. Ганешиним.
- ⁵ *Суздалев В.Е.* Великие чудотворные. Н. Новгород, 1994. С. 50; *Бухарев И.* Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы. М., 1994. С. 94–96.
- ⁶ *Ганешин Д.С.* Ахтырка... С. 398.
- ⁷ Там же. С. 417.
- ⁸ Дворянские роды Российской империи. СПб, 1995. Т.2. С. 69.
- ⁹ *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 57–60, 98.
- ¹⁰ Дворянские роды... С. 69–71.
- ¹¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря (Изд. подготовили *Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева*). М., 1987. С.119–120.
- ¹² Список погребенных в Троице-Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880. С. 23.
- ¹³ *Платонов С.Ф.* Учебник русской истории для средних школ. СПб, 1910. Ч.1. С. 200.
- ¹⁴ Вкладная книга... С. 119–120.
- ¹⁵ См. *Воронцова Л.М.* Предметы европейского художественного серебра в монастырском обиходе XVI-XIX веков. // Сергиево-Посадский музей заповедник. Сообщения. М., 1995. С. 154–155.
- ¹⁶ См. *Манушина Т.Н.* Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М., 1983. С. 104.
- ¹⁷ См. *Николаева Т.В.* Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора // Загорский гос. ист.-худ. музей-заповедник. Сообщения. Загорск, 1958. Вып.2. С. 92–106.
- ¹⁸ Вкладная книга... С. 280–281.
- ¹⁹ *Шамурин Ю.* Подмосковные. М., 1914. С. 85–86.
- ²⁰ *Тихомиров Н.Я.* Архитектура подмосковных усадеб. М., 1955. С. 267–268.
- ²¹ *Греч А.Н.* Венок усадьбам // Памятники Отечества, М., 1995. №32. С. 126.
- ²² *Седова И.В.* Архитектурный облик усадьбы Ахтырка. Доклад на конференции “Князя Трубецкие в нашем крае” в Сергиево-Посадском гос. ист.-худ. музее-заповеднике в 1996 г.
- ²³ Фасады церквей, колокольной и иконостасов, проектированных архитектором надворным советником и кавалером А. Кутеповым. М., 1829.
- ²⁴ *Ганешин Д.С.* Ахтырка... С. 417.
- ²⁵ Памятники архитектуры Московской области. М., 1975. Т.1. С. 155.
- ²⁶ Неизвестный художник. Ахтырка. Аллея вдоль реки. 1840-е годы. Б., акв., гуашь. Гос. литературный музей.
- ²⁷ *Трубецкой Евгений.* Из прошлого. М., 1917. С. 9–10.
- ²⁸ Следующими владельцами усадьбы памятник был перенесён к церкви, где находится и поныне.
- ²⁹ *Трубецкой Евгений.* Из прошлого... С. 9.
- ³⁰ Там же. С. 6–8.
- ³¹ *Трубецкой Сергей Евгеньевич.* Минувшее. М., 1991. С. 43 .
- ³² *Трубецкой Евгений.* Из прошлого... С. 26–27.
- ³³ Там же. С. 34.

-
- ³⁴ Павлинова В.П. Князь Николай Петрович Трубецкой // Петр Ильич Чайковский. Забытое и новое. Альманах. М., 2003. Вып. 2. С. 280–287.
- ³⁵ Трубецкой Евгений. Из прошлого... С. 34.
- ³⁶ Там же. С. 32–33.
- ³⁷ Там же. С. 34–35.
- ³⁸ Мансурова Мария. Старые годы // Новый журнал. Нью-Йорк, 1991. Кн. 184–185. С. 374.
- ³⁹ Трубецкой Евгений. Из прошлого... С. 15.
- ⁴⁰ Там же. С. 23–24.
- ⁴¹ Там же. С. 24–25.
- ⁴² Там же. С. 49–50.
- ⁴³ Там же. С. 56–57.
- ⁴⁴ Там же. С. 60.
- ⁴⁵ Русская философия. Словарь. М., 1995. С. 525–526.
- ⁴⁶ Маслин М.А. С.Н. Трубецкой и русская философия // Сергей Николаевич Трубецкой. М., 1996. С. 51–61.
- ⁴⁷ Левандовский А.А. Умиритель студентов // Сергей Николаевич Трубецкой. М., 1996. С. 25–27.
- ⁴⁸ Из дневника О.Н. Трубецкой. 1887. С. 81. (письмо С.Н. Трубецкого брату Евгению). РГАЛИ. Ф.503.
- ⁴⁹ РГАЛИ. Ф.503. Ед. хр. 5 (Летопись семьи).
- ⁵⁰ РГАЛИ. Ф.503. Ед. хр. 152.
- ⁵¹ Русская философия. Словарь... С. 522–523.
- ⁵² Трубецкой С.Е. Минувшее... С. 17–18.
- ⁵³ Там же. С. 22.
- ⁵⁴ Цит. По ст. Думовой Н. «Сказки» Старого Арбата // Арбатский архив. М., 1997. Вып.1. С. 214.
- ⁵⁵ Думова Н. «Сказки Старого Арбата»... С. 215, 224.
- ⁵⁶ Там же. С. 229.
- ⁵⁷ Там же. С. 231.
- ⁵⁸ Трубецкой С.Е. Минувшее... С. 176–177.
- ⁵⁹ Там же. С. 184.
- ⁶⁰ Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд // Князья Трубецкие. Россия воспрянет. М., 1996. С. 45–122.
- ⁶¹ Трубецкой В.П. Потомство князя Николая Петровича Трубецкого. Париж, 1984. (Предисловие). Машинописный перевод А.В. Комаровской.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Трубецкой Г.Н. Годы смуты и надежд... С. 77.
- ⁶⁴ Там же. С. 80.
- ⁶⁵ Там же. С. 84.
- ⁶⁶ Мансурова Мария. Старые годы... С. 358–359, 361.
- ⁶⁷ Трубецкой Г.Н. Годы смуты и надежд... С. 85.
- ⁶⁸ Serge Y. Troybetzkoj, Les Princes Troubetzkoï. New York, 1993.
- ⁶⁹ Ганешин Д.С. Ахтырка... С. 386.
- ⁷⁰ Там же. С.395.
- ⁷¹ Рассказ В.П. Кузнецовой записан Т.В. Смирновой в 1997г. С.И. Матвеев скончался в 1980г.
- ⁷² Трубецкая О.Н. РГАЛИ. Ф.503. Ед. хр. 5 (Летопись семьи).
- ⁷³ За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую православную Церковь. 1917-1956. Биографический справочник. М., 1997. Кн.1. С. 41–42.

-
- ⁷⁴ *Коробко Михаил*. Усадьба Узкое. Историко-культурный комплекс XVII – XX веков. М., 1996. С. 33–50.
- ⁷⁵ Там же. С. 53–75.
- ⁷⁶ Воспоминания княгини Л.П. Оболенской // *Дворянское собрание*. 1998. № 8. С. 271.
- ⁷⁷ *Трубецкой В.П.* Узкое. Что помнят об этой усадьбе в семье Трубецких. // *Дворянское собрание*. 1996. №4. С. 203–204.
- ⁷⁸ *Трубецкой Евгений*. Из прошлого... С. 36.
- ⁷⁹ *Дворянские роды...* С. 77.
- ⁸⁰ *Коробко М.* Усадьба... С. 81–85.
- ⁸¹ *Рыбаков И.А.* Родники вдохновения // *Хотьково. Сергиев Посад*, 1999. С. 210.
- ⁸² *Трубецкой В.П.* Узкое. Что помнят об этой усадьбе... С. 205–206.
- ⁸³ Цит. по: *Коробко М.* Усадьба Узкое... С. 94.
- ⁸⁴ *Трубецкой В.П.* История одного хозяйства // *Дворянское собрание*. 1995. № 2. С. 111–121.
- ⁸⁵ Там же. С. 112, 114.
- ⁸⁶ *Трубецкой В.П.* Потомство князя Николая Петровича Трубецкого...
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ *Трубецкой С.Е.* Минувшее... С. 44, 49.
- ⁸⁹ *Трубецкой В.П.* Потомство князя Николая Петрович Трубецкого...
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ *Голицын Сергей*. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 431, 489.
- ⁹² *Трубецкой В.П.* Потомство князя Николая Петровича Трубецкого...
- ⁹³ *Графика М.М. Осоргиной*. Образы минувшего. Сост. *Комаровская А.В.* Сергиев Посад. 2002; *Комаровская А.В., Смирнова Т.В.* Силуэты Марии Михайловны Осоргиной // *Русская галерея*. 2000. №3. С. 78–79.
- ⁹⁴ ЦГАЛИ. Ф. 503. Ед. хр. 110.
- ⁹⁵ ЦГАЛИ. Ф. 503. Ед. хр. 109, 112.
- ⁹⁶ *Трубецкой В.С.* Записки кирасира // *Князья Трубецкие*. Россия воспрянет. М., 1996. С. 368.
- ⁹⁷ *Голицын Сергей*. Записки уцелевшего... С. 277–278.
- ⁹⁸ *Трубецкой А.В.* Пути неисповедимы. Отрывок // *Братина*. Сергиев Посад, 2000. Ч.1. С. 589–590.
- ⁹⁹ *Арешкина В.Н.* Воспоминания о Сергиевом Посаде // *Братина*. Сергиев Посад, 2000. С. 31.
- ¹⁰⁰ *Трубецкой А.В.* Пути неисповедимы. Ч.1... С. 596.
- ¹⁰¹ *Ашинин Ф.Д., Алтатов В.М.* “Дело славистов”. 30-е годы. М., 1994. С. 70–81.
- ¹⁰² *Арешкина В.Н.* Воспоминания... С. 30.
- ¹⁰³ *Трубецкой А.В.* Пути неисповедимы. Ч.1. С. 587.
- ¹⁰⁴ *Трубецкой Георгий Владимирович*. Воспоминания. Рукопись.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ *Трубецкой А.В.* Пути неисповедимы. (Воспоминания. 1939–1955). М., 1997.
- ¹⁰⁷ Записано Смирновой Т.В. со слов Несмеяновой Ольги Александровны, вдовы В.В. Трубецкого, в 1996г.
- ¹⁰⁸ *Сапожников С.А.* Формирование генотипа русского потомственного дворянства (на примере рода князей Трубецких). Доклад на конференции “Князья Трубецкие в нашем крае”. 1996. Под искусственным отбором автор, очевидно, имеет в виду то обстоятельство, что в гвардейских полках офицер не имел права жениться на особе из купеческого, мещанского или крестьянского

сословия. Можно было жениться только на дворянке, при этом общество офицеров полка наводило справки как о самой невесте, так и о её поведении, репутации, а также и о её родне.

¹⁰⁹ *Смирнова Т.В.* Дом на Вальной и его обитатели // Московский журнал, 1997, №12. С. 33–40.

¹¹⁰ *Трубецкой А.В.* Пути неисповедимы. (Воспоминания. 1939–1955)... С. 323.

¹¹¹ Эскизный проект реставрации церкви в Озерецком согласован 17 сентября 1997г., №911 (Инв. № 877-97) Управлением охраны и использования памятников истории и культуры Комитета по культуре Московской области.

¹¹² Подвиг, труд, талант, творчество. Книга о выдающихся гражданах Сергиево-Посадского района. Сергиев Посад, 2000. С. 164.

¹¹³ Хотьковская волость Московской губ. Краеведный очерк. г. Сергиев, 1926. С. 34.

¹¹⁴ *Вишневская В.М.* Резьба и роспись по дереву // Народное декоративное искусство. М., 1957. С. 31–32.

¹¹⁵ *Барадулин В.А.* Узорчатая ветвь. Хотьково. Сергиев Посад. 1999. С.167.

Часть иллюстраций приведена в сокращенном мультимедийном издании.